

Секция 1 КОНТУРЫ МИРОВОГО ПОРЯДКА В XXI ВЕКЕ

19–20 мая 2017 г. Конференц-зал гостиницы “Radisson Royal”

Руководители секции:

Ш. Т. ГАДИО	министр иностранных дел Сенегала (2000–2009), президент Института panaфриканских стратегий
П. ДУТКЕВИЧ	директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
А. А. ПАНКИН	директор Департамента международных организаций МИД РФ
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

А. И. АГЕЕВ	генеральный директор Института экономических стратегий РАН, заведующий кафедрой Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», доктор экономических наук, профессор
А. БЕБЛЕР	профессор факультета общественных наук Университета Любляны (Словения), доктор политических наук
Л. К. БРЕССЕР-ПЕРЕЙРА	почетный профессор Фонда Жетулиу Варгаса (Бразилия)
И. И. БУЗОВСКИЙ	глава администрации Центрального района г. Минска (Республика Беларусь)
Ч. ВАРГА	почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор
Е. Й. ВЯТР	министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологии, профессор
Б. ДЕГАРДЕН	генеральный директор банка “Egic Sturdza SA” (Женева, Швейцария)
В. ИНГИМУНДАРСОН	профессор современной истории Университета Исландии, доктор философии
В. Л. КВИНТ	заведующий кафедрой финансовой стратегии МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН (США), доктор экономических наук, профессор
Г. КЁХЛЕР	президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
Г. В. КОЛОДКО	вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор
Г. ЛИТТЛДЖОН	экономист, социолог (Великобритания)
М. Ф. МОНТЕС	старший советник по вопросам финансов и развития Южного центра (Женева, Швейцария), доктор экономики

Р. МЭТБЮЗ	президент Международной лиги стратегического управления, оценки и учета, профессор Кингстонского университета (Великобритания)
В. ПРОДАНОВ	профессор кафедры политической экономики Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
В. И. РОССМАН	профессор Северо-Американского университета (Хьюстон, США), доктор философии и политических наук
Б. Дж. СИЛВЕР	директор Arrighi Центра глобальных наук Университета Джонса Хопкинса (Балтимор, США), доктор социологии, профессор
П. П. ТОЛОЧКО	член Президиума Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Ж. Т. ТОЩЕНКО	заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
Я. Г. ШЕМЯКИН	главный научный сотрудник Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук
Я. А. ШОЛТЕ	профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция)

П. ДУТКЕВИЧ: — Дамы и господа, коллеги, начинаем работу первой секции. Мы будем вести нашу дискуссию вместе с коллегой Александром Панкиным, представляющим Министерство иностранных дел Российской Федерации.

А. А. ПАНКИН: — Спектр вопросов в рамках заявленной темы весьма широк. Они могут охватывать недостатки современной мировой политической и экономической системы, проблемы предотвращения и разрешения кризисов и конфликтов. Мы можем концентрироваться как на глобальном подходе, так и на «горячих» региональных сюжетах. Надеюсь, что мы сможем по крайней мере обозначить темы, которые имеют первостепенное значение для научной проработки, использования в общественном публичном пространстве с целью сглаживания тех или иных проблем, а также в качестве предмета размышления политиков и лиц, принимающих решения, для выправления нынешней неудовлетворительной и нестабильной ситуации.

Попытки прогнозирования приветствуются. Мы рассматриваем контуры мироустройства XXI века, и если у кого-либо на основе собственных наработок или массива проведенных исследований сформировалось мнение о том, по какому реалистичному сценарию

может пойти развитие, было бы интересно это услышать. Хочу напомнить, что на пленарном заседании мы сделали особый акцент на вопросах противодействия терроризму, упоминались и другие новые вызовы — от организованной преступности и распространения наркотиков до изменения парадигмы прав человека. И, безусловно, очень важны вопросы безопасности, предотвращения конфликтов или неуправляемого и печального развития событий в мире.

Первой предлагаю выступить профессору Беверли Силвер.

Б. Дж. СИЛВЕР: — Я подготовила несколько заметок на основе наших предыдущих обсуждений, которые мне показались важными. Получилось несколько тезисов.

Прежде всего это касается более конкретного описания настоящего времени. Мы рассматриваем в ретроспективе период между 2003 и 2016 годами и склоняемся к мнению, что он был кризисным. Существующий миропорядок был на грани разрушения, когда США вторглись в Ирак и в нескольких других случаях. Правда, теперь у США нет таких возможностей влиять на мир, какие были раньше. В 2008 году разразился финансовый кризис, который показал, что существуют

ограничения в моделях экономических и финансовых систем. Это касается не только Соединенных Штатов, но и любой другой страны. К 2016 году экономическая и политическая системы США оказались разбалансированными, что выразилось в кризисе легитимности американского капитализма. Я использую понятие «постоянный кризис», чтобы отличить его от того, что Джованни Арриги называл «сигнальным кризисом». Этот итальянский экономист и социолог различает начальный кризис, который может оказаться просто фазой финансового развития, но может привести и к более глубокому, терминальному кризису. Проблемы, которые мы наблюдали в 2003, 2008 и 2016 годах — свидетельство сигнальных кризисов. Это произошло и во Вьетнаме, и в нарушении долларového стандарта, и в социальных беспорядках в США. Либеральный проект в некоторой степени в ответе за то, что мы сегодня видим. Разбалансировка в области финансов привела к социальной нестабильности, но вместо того, чтобы реагировать на требования исправить ситуацию, правительства, напротив, сокращают воздействие на социальную сферу. Подобный «тройной» кризис, отразившийся на социальном благополучии, мы переживали в 1970-х годах, снова столкнулись с ним в последнее десятилетие и не можем предположить, какие будут последствия. В основном это касается США, но в большой степени связано и с тем, как развиваются глобальные процессы.

Я провела ряд исследований, в том числе изучила переходы от прошлых гегемоний к ныне существующей системе. Мне хотелось бы отметить три черты, общие с предыдущими трансформациями. Когда-то на мировой арене доминировали сначала голландцы, затем англичане и немцы, и это продолжалось до начала XX века. Каждый из периодов финансового развития характеризовался усилением доминирования, перемещением и накоплением капиталов в масштабах мировой экономики. В свое время центром силы была Великобритания, затем капитал стал концентрироваться в США, где наступил период быстрого финансового развития. Сегодня капитал перетекает в страны Юго-Восточной Азии. Это говорит о том, что на самом деле мы переживаем период последовательной смены центров этих процессов, переход от одного центра к другому. Но сегодня появилось нечто новое: впервые центр накопления капитала передвинулся с Запада на Восток. Это связано с другими крупными переменами: уничтожением рабства, развитием серийного производства и др.

Все это должно помочь нам в прогнозировании будущего. Мировой кризис, который затронул даже США, означает, что американскую модель капитализма нельзя принимать как универсальную для всего мира. Массовое производство и массовое потребление в начале XX века казалось универсальным требованием, но в 1970-е годы и в США, и во всем мире этот процесс пошел вспять. Мы должны сегодня быть осторожными в своих выводах и ожиданиях. Почему? Во-первых, из-за массового производства значительно ухудшилась экологическая ситуация, во-вторых — изменились социальные пределы прибыльности и рен-

табельности производства, которые с учетом социального развития стали неприемлемыми. Незначительная часть работающих получает высокую зарплату, в то время как остальные, составляющие большую часть населения планеты, живут в бедности. Поэтому мы говорим о кризисе рентабельности и капитализма.

Исторически капитализму свойственна напряженность между легитимностью и рентабельностью. Поиск решения этой проблемы привел к перераспределению средств, неравенству, несправедливости и в конечном счете — к кризису рентабельности. Сейчас акцент перемещается с легитимности на рентабельность в мировых масштабах, но пока непонятно, к чему это приведет.

М. А. МОРАТИНОС: — Госпожа Силвер, Вы положили отличное начало нашей дискуссии. Ваш методологический подход, касающийся долгосрочных циклов развития, заслуживает внимания и интереса. Действительно, в свое время были ожидания трансформации. Можем ли мы сейчас исправить этот механизм? Или это уже невозможно, и мы находимся на этапе, когда этот механизм вообще не работает?

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется господину Шейху Тидиану Гадио, государственному деятелю Республики Сенегал.

Ш. Т. ГАДИО: — Мы с коллегой Мигелем Моратиносом давно и плодотворно сотрудничаем и в африканских странах, в частности у меня на родине, в Сенегале, и в Испании, его родной стране. Мы разработали новые модели сотрудничества, к сожалению, я не имею возможности рассказать о них подробно.

Скажу несколько слов о такой большой части света, как Африка. Какое место она занимает в новом мировом порядке? Ответ прост: для Африки в этом порядке места нет. Это не новая проблема. Говоря о международных делах, мы почти никогда не упоминаем Африку. Считаю это несправедливым по ряду причин. Во-первых, по многим показателям, в частности по запасам природных ресурсов, удельный вес нашего континента очень велик. Во-вторых, неприятная, но очень значимая причина, которую нельзя недооценивать: Африка превращается в эпицентр мирового терроризма, в том числе и потому, что эта часть света не привлекает такого внимания мирового сообщества, как другие регионы мира. Большинство крупных террористических организаций базируются именно в Африке. В частности, «Аль-Каида» захватила две страны, в том числе Мали, и после этого другие небольшие группы террористов стали организовывать свою деятельность в Мали, которая находится в Западной Африке. Затем это движение распространилось за пределы Мали и приблизилось к границам Нигерии (а это африканская сверхдержава), и сегодня их негативное воздействие ощущается в Камеруне и других странах. Уже 22 страны стали жертвами террористической деятельности на африканском континенте. Мы не можем игнорировать тот факт, что Африка привлекает такое большое внимание террористических организаций,

которые считают регион Сахары самым подходящим для себя. В течение ближайшего десятилетия они намерены создать свой халифат, и я думаю, что лучше открыто заявить об этом, чтобы привлечь внимание всего мира.

Коллега Силвер упомянула важные события начала XXI века — войну в Ираке и финансовый кризис. Я хотел бы добавить в этот список теракты в США 11 сентября 2001 года. После этого произошло еще много трагических событий и, наконец, была развязана война в Ливии. Ливия была разрушена — не только государство, но и общество, состоящее из разных племен. В регионе Сахары начался период нестабильности.

Война в Ираке стала первым шагом на пути к сложившейся ситуации. Трагедия заключается в том, что в целом Африка могла бы играть более важную роль в мире, если бы мы смогли объединиться. На Западе есть точка зрения, что каждая африканская страна может развиваться самостоятельно, в одиночку. Но мы видим, что это неверно. Африканский континент не обладает стратегией выживания. Более того, Африка выбрала самоубийственную модель «развития», из-за чего в последние 50 лет возникли огромные проблемы в сельском хозяйстве и других направлениях экономической и хозяйственной деятельности. Поэтому нам необходимо объединить усилия всех африканских стран и регионов. Если Африка хочет стать глобальным игроком на мировой арене, надо брать пример с Китая (его успехи всем известны) и Южной Кореи, которая еще в 1996 году имела почти такой же ВВП, как Гана, а сегодня — как суммарный ВВП 27 стран Африки.

Балканизация Африки — непрерывный процесс. Мы боимся, что в любой момент может разгореться жестокая война между Южным и Северным Суданом, с тревогой наблюдаем за тем, что происходит в Центрально-Африканской Республике, на озере Чад и в регионе Сахары. Давно пора обсуждать все острые вопросы, касающиеся нашего континента, и включить тему Африки в повестку дня ООН, потому что постоянное игнорирование приводит к еще большим проблемам и когда-нибудь это может закончиться плохо для всего мира. Поэтому я обращаюсь ко всем участникам Чтений от имени жителей Африки. Население этой части света превышает миллиард, и у нас огромный потенциал — не только природные ресурсы, но и человеческий капитал, очень много молодежи, чью энергию можно задействовать на благо континента и всего человечества.

В последние годы мир сильно изменился. Например, Россия сейчас играет другую роль в международной политике. Меняются также роли Китая, США, Европейского Союза. Призываю всех помочь Африке объединиться, чтобы благодаря совместным усилиям стран мы смогли занять достойное место в мире. А для этого мир должен понять, что нельзя игнорировать Африку, так как последствия могут быть катастрофическими для всех.

А. А. ПАНКИН: — Господин Гадио поднял очень важную тему. Но у меня есть возражение. Совет Безопасности ООН в действительности уделяет Африке

очень много внимания и времени. К сожалению, это не означает, что международное сообщество способно эффективно решить проблемы африканского континента. Даже Афросоюз, который озабочен проблемами мира и безопасности и реализует стратегию миротворчества, еще пока не в состоянии полностью обеспечить контроль над ситуацией. Поэтому взаимодействие всех игроков, безусловно, необходимо.

А сейчас слово господину Брюно Дегардену.

Б. ДЕГАРДЕН: — Прокомментирую несколько тезисов, которые высказали коллеги Гадио и Силвер. Относительно Африки я полностью согласен: это ключевая тема. Как вы знаете, в Африке расположена 51 страна, это очень обширный и разрозненный континент. Население там действительно превышает миллиард человек, а к 2050 году достигнет 2,5 млрд, так как темп прироста населения очень высокий. Что касается экономики, то, с одной стороны, в отдельных странах и регионах Африки наблюдается высокий экономический рост, до 6–7 % в год, с другой — на эту часть света приходится только 1 % мирового промышленного производства. Африка не получает капиталов в достаточном объеме и зависит от их притока извне.

Еще одна проблема — миграция. Европа, где проживают 500 млн человек, в 2016 году испытала большие трудности с приемом миллиона мигрантов. Динамика роста населения в таких странах, как Нигер и Мали, ведет к тому, что в ближайшие годы мигрантов может стать много больше. Поэтому необходимо инвестировать средства в стабилизацию положения на самом континенте. Людям трудно выживать в климатических условиях Африки. Здесь трудно вести сельскохозяйственную деятельность, к тому же постоянно случаются засухи, и у людей не остается выбора, кроме как уезжать. Причем образованные люди будут уезжать первыми, и развивать экономику просто станет некому.

Два небольших дополнения к выступлению госпожи Силвер. Международные иностранные инвестиции (около 1,5 млрд долл. в год) раньше шли с Запада в развивающиеся страны, но в 2008 году ситуация изменилась. Считаю, что робототехника и другие технологические достижения приведут к тому, что инвестиции будут идти не только в развивающиеся страны и Китай. Вместо того чтобы создавать роботизированное предприятие в Китае или какой-нибудь стране Юго-Восточной Азии, станет проще наладить производство в Испании и США, и это производство будет высокорентабельным. Дело в том, что развивающиеся страны сейчас догоняют развитые, разрыв между ними все время сокращается и в один прекрасный момент может исчезнуть.

Что же касается прибыли и рентабельности, то, действительно, мы видим, что в последние 50 лет компании США стремятся всеми силами повысить свою прибыльность. Они создают искусственные возможности для зарабатывания денег, занимают денежные средства, чтобы купить ценные бумаги. У меня это вызывает озабоченность. Думаю, что компания должна инвестировать средства в развитие производства вместо

того, чтобы выпускать новые акции, распространять их среди своих акционеров и на этом зарабатывать.

А. А. ПАНКИН: — Слово профессору Антону Беблеру.

А. БЕБЛЕР: — Когда шла холодная война, обычно ее характеризовали как столкновение между капитализмом и социализмом, конфликт разных идеологий, западной демократии и коммунизма. Когда официально закончилась холодная война, после подписания соглашения не все ее элементы исчезли, а некоторые из них существуют до сих пор. Например, ограничения на передачу технологий до сих пор действуют, особенно со стороны США.

Но это продолжение холодной войны нельзя оправдать с точки зрения идеологии. В 1996–1997 годах, во время президентства Билла Клинтона, было принято решение расширить НАТО за счет присоединения Чехии и Венгрии. Таким образом границы блока были приближены к границам Российской Федерации, и это движение затем продолжили администрации Джорджа Буша и Барака Обамы, причем без достаточных оснований для этого. Получается, что политический конфликт не исчерпан, а холодная война на самом деле была конфликтом влияния и доминирования на чисто идеологической основе. На самом деле это был реальный, настоящий политический конфликт, и, вероятно, он будет продолжаться.

Кризис на Украине также был отчасти спровоцирован американской дипломатией, чтобы увеличить давление на Российскую Федерацию и чтобы страны Европейского Союза, в частности Германия, ввели санкции против России. Санкции США против России были мастерски подготовлены и разработаны с тем, чтобы не причинить ущерб экономике США. Соединенные Штаты не снизили экспорт в Российскую Федерацию и соответственно не пострадали от убытков. Другое дело Евросоюз — здесь составили десятки миллиардов евро и продолжают расти.

Можно сделать вывод, что администрации Буша и Обамы рассматривали в качестве геополитических интересов США уменьшение влияния России в экономическом и политическом плане и изоляцию Украины от России. Что касается Европейского Союза, то санкции не отвечают интересам большинства стран ЕС. И экономика моей страны также страдает от этих антироссийских санкций.

Какой можно сделать вывод? Очевидно, что политика, проводимая сегодня, и конфликт интересов никуда не денутся. Что делать в этих условиях? Мы видим, что такого рода меры наносят наибольший ущерб тем странам, которым они должны были бы помогать, в первую очередь Украине. Пролонгация санкций не решит проблемы Донбасса, а только задержит политическое урегулирование и, таким образом, будет содействовать продолжению кризиса в стране. Это наносит вред экономике и причиняет огромные страдания населению Украины. Проблема опять-таки кроется в конфликте интересов, который, по всей вероятности, останется и при администрации Трампа. Вопрос за-

ключается в том, как решить эту политическую проблему, чтобы она не наносила ущерб европейской и мировой безопасности.

А. А. ПАНКИН: — К микрофону приглашается господин Ингимундарсон.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — Мы уже обсудили политику переходного периода, проблемы неравенства, недоверия к мировым элитам, многополярности мира. Я же хотел бы затронуть вопрос будущей картины мира. Вообще-то я историк, так что вопросы будущего несколько не соответствуют моему профилю. Предлагаю обратиться к прошлому, чтобы лучше понять настоящее и спрогнозировать будущее.

История демонстрирует нам некоторое изменение повестки: во главу угла ставятся те вопросы, которые прежде имели второстепенное значение. До второй половины 1980-х годов в мире было противостояние двух систем, и это приводило к различным столкновениям, нарушая геополитический климат. Сегодня же, несмотря на ухудшение отношений между Россией и США, сохранились возможности для продолжения сотрудничества между этими двумя государствами, хотя мы видим большое сопротивление движению к взаимодействию. Можно говорить о том, что надо объединить усилия в борьбе с терроризмом и ИГИЛ, да и вопрос об ограничении вооружений также надо решать объединенными усилиями. Но вопрос заключается в том, как интерпретировать возникающие возможности.

В 1980-х годах на встрече на высшем уровне между США и СССР обсуждались вопросы участия дипломатов. Некоторые из таких встреч помогли изменить политический дискурс, и в итоге был положен конец существованию советской империи, возникли возможности для сотрудничества не только на основе науки. Однако трудно преодолеть проблемы, которые относятся еще к тем временам, поэтому нам сейчас надо думать о том, как ликвидировать предрассудки и штампы в общественном сознании.

В свое время появились возможности для обсуждения вопросов ограничения вооружений и достижения соглашений. И сейчас такие возможности есть. Предварительные встречи не всегда приводят к осязаемым результатам, но они необходимы. Кроме того, это создает возможности разработки программ обмена в области науки, культуры и др. Это то, что было достигнуто во второй половине 1980-х годов.

Одна из причин развития отношений в этом направлении, как мы видим сейчас, состоит в том, что России не было оказано достаточное уважение как великой державе. Россия обвинялась в политике реваншизма, и зашла речь о возврате к холодной войне. Что касается войны в Сирии, то обе стороны показали, что могут преследовать собственные интересы в этом регионе. Опять же здесь возникает вопрос, связанный с взаимоотношениями между Россией и США на текущем этапе. Сейчас есть возможности и политические основания для взаимодействия и сотрудничества. Весьма удивительно то, что на повестку дня выходят пробле-

мы, которые были преодолены в 1980-х годах, и для их решения надо использовать уже наработанные инструменты. Вместо того чтобы застревать в прошлом, давайте смотреть в будущее и думать о том, как справляться с вызовами и планировать совместные действия с учетом региональных конфликтов. Война в Сирии обсуждается очень часто, и между Россией и США должна быть достигнута договоренность о том, как развязать этот узел, чтобы в регионе воцарился мир.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется профессору Жану Терентьевичу Тошенко.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Уважаемые коллеги, когда мы рассуждаем о процессах, происходящих в современном мире, о необходимых институтах и политике, то должны учитывать, какие силы будут проводить эту политику и осуществлять изменение институтов. Можно предположить, что это будут нынешние бизнесмены и политики, но я хотел обратить ваше внимание на то, что сейчас в мировой и отечественной социологии появилось новое понятие «прекариат» — «нестабильный», «неустойчивый» слой трудоспособного населения. В большинстве современных стран растет этот новый класс, включающий людей, занятых частично или временно, без постоянного трудоустройства. В России работников с временной занятостью примерно 20 %. Частично занятые сотрудники — это те, кто работает на половину, на четверть ставки и т. д. Следующая группа — люди, занятость которых не оформлена трудовыми договорами. По нашим данным, это еще 10–12 % работающего населения. К ним примыкают сезонные рабочие, занятые в сельском и лесном хозяйстве, золотодобывающей промышленности и некоторых других отраслях. Думаю, что к ним можно отнести и мигрантов, а также весьма специфическую общность — фрилансеров. У всех этих категорий работников неустойчивое социальное положение, нестабильный доход, слабая социальная защищенность. Они находятся в весьма сложном положении.

И российские социологи, и наши коллеги в Западной Европе — все мы отмечаем, что многие выпускники вузов сегодня тоже оказываются в «подвешенном» состоянии, не определяются с основным местом работы и вынуждены соглашаться на другие виды занятости. Каковы последствия?

Временная работа зачастую превращается в постоянную форму занятости. В частности, вот данные сибирских коллег. Если в их регионе 15 лет тому назад сменили профессию 15 % занятых, то 5 лет спустя — уже 19 %. В исследовании 2015 года этот показатель достигает почти 40 %. Особенно много часто меняющих работу и профессию среди вчерашних выпускников вузов. Но когда человеку приходится приспособливаться к другой работе, происходит потеря профессиональной культуры, а значит, происходит ослабление интеллектуального потенциала всего общества. Кроме того, люди испытывают неуверенность из-за шаткого социального положения и не видят перспективы. То есть создается большой слой трудоспособных граждан с неустойчивой, негарантированной

занятостью. Думаю, что именно они будут в ближайшем будущем определять изменения и преобразования в обществе.

Вероятно, не все коллеги согласятся со мной, но, по-моему, победа Трампа на президентских выборах в США — это победа американского прекариата — людей, живущих в маленьких городах и сельской местности и испытывающих неуверенность как в своем сегодняшнем положении, так и в завтрашнем дне. Но они оказались тем молчаливым большинством, который в конечном счете определил расклад политических сил, что привело к тому, что результаты голосования оказались неожиданными.

Эта новая категория населения становится реальной силой и проявляет себя в новых видах социальной активности. Прежние формы протеста, такие как демонстрации, сегодня не всегда работают. Еще раз предлагаю обратить особое внимание на этот вопрос: кто, какие люди будут олицетворять будущее не только в ближайшей, но и в отдаленной перспективе?

А. А. ПАНКИН: — Мы часто упоминаем, что в мире существует гегемония Запада с его культурным, технологическим и прочим доминированием. С одной стороны, есть на что ориентироваться в плане прогресса. С другой — все крупные конфликты XX века были инициированы исключительно западными странами, а не африканскими или азиатскими. Есть ли вероятность того, что США (сегодня ведущая сила с доктриной глобального присутствия и глобального интереса) и вообще блок западных государств несколько отойдут в сторону, уступив место новым центрам экономического и политического притяжения? И сможет ли это изменить контуры будущего мироустройства? Этот вопрос, что называется, висит в воздухе. Будет ли дальше продолжаться эта схватка цивилизаций, где, безусловно, до сих пор доминировала англо-саксонская линия, или все-таки и Африке найдется место, и азиатский вектор станет сильнее, и все это как-то сбалансирует ситуацию?

А сейчас слово предоставляется господину Гэри Литтлджону.

Г. ЛИТТЛДЖОН: — Я хотел бы изложить довольно неожиданный англо-британский подход. Мои исследования основаны на разговорах с простыми людьми, я общался не с политиками и не с учеными, и у меня несколько иное мнение. Сразу после референдума прошлого года новый министр по выходу Великобритании из Европейского Союза Дэвид Дэвис начал создавать в Лондоне финансовые институты. Дело в том, что нет необходимости в получении финансового паспорта для проведения сделок даже после выхода из ЕС. Если применить такой подход, то финансовый сектор Лондона пострадает от брексита меньше, чем ожидается. Одни организации переместят свои офисы в Ирландию, другие — еще куда-то, но в любом случае вреда будет меньше, чем кажется. Возможно, кто-то из вас захочет с этим поспорить, но во всяком случае так считает правительство Великобритании. Я не знаю, правильно это или нет.

Председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер несколько недель назад сделал то, что вызвало большие споры, — он выставил Великобритании счет в 50 млрд евро. Это слишком много, мы просто не в состоянии его оплатить. Не знаю, что по этому поводу думает правительство Великобритании. Однако если мы будем придерживаться точки зрения, что экономические финансовые затраты по расчетам правительства меньше, чем считают остальные страны Европы, то это может вызвать столкновение интересов. В то же время у предпринимателей, таких как Джеймс Тайсон, который занимается производством в Сингапуре, нет проблем с экспортом за пределы Европейского Союза. Таким образом, сформировалось мнение, что и в торговых отношениях ущерб от выхода Великобритании будет меньше, чем ожидается. Не то чтобы я оправдываю это решение, просто на основе доступных мне источников объясняю, что по этому поводу думает правительство Великобритании. Это означает, что оно, видимо, оценивает проблемы, связанные с выходом из ЕС, по-другому, нежели остальные европейские страны. Я просто хотел обратить ваше внимание на этот момент.

Что же касается технического воздействия на европейскую экономику, возможно, национальные центральные банки таких стран, как Испания, Италия, Германия, Люксембург и Голландия, смогут гарантировать возврат долгов, хотя они, конечно, очень велики. В частности, Бундесбанк гарантировал 376 млрд евро, Люксембург — 180 млрд и, по-моему, Голландия — примерно 100 млрд. И если мы посмотрим на то, что делают другие, то увидим, что у стран Южной Европы существуют большие проблемы с возвратом долгов. Даже если отвлечься от финансового кризиса, тем не менее у нас нет возможности найти такое решение. Конечно, речь идет не об утечке капитала, а о побочном воздействии долгов, которое изменило подход населения Великобритании к этим проблемам за последние несколько лет. Я не говорю, что эти аргументы правильные, но считаю, что именно такими идеями, возможно, руководствуется правительство Великобритании.

Здесь я не открою никаких секретов, поскольку основываюсь на общедоступных источниках. И мы, безусловно, можем больше производить и экспортировать, несмотря на то что с июня прошлого года наше правительство держалось в тени и не комментировало действия, связанные с подготовкой к выходу из ЕС. Что касается альтернатив, то если правительство Великобритании считает, что можно сэкономить значительные средства при быстром выходе из ЕС, тогда он может состояться уже в ближайшее время. И мы больше уже не будем должны выделять средства на поддержание ЕС. Думаю, это надо обсуждать. Я сейчас не говорю о том, что дипломаты вообще останутся без работы. Этого не произойдет. Я призываю вас посмотреть на возможность такого сценария развития событий.

А. А. ПАНКИН: — Гэри, это было очень интересное выступление, особенно, когда Вы сказали о том, что больше ничего никому не должны. Это обычная

фраза при разводе, один из супругов обязательно ее произносит.

Б. ДЕГАРДЕН: — Гэри, что касается брексита и паспортов, то сейчас в лондонском Сити 20 тыс. человек занимаются оформлением бумаг. Англичане потеряют 15–20 % компенсации. Еще мы видим, что банки в Германии, Дублине, Париже делают все возможное, чтобы получить доступ к вашим банкам. Поэтому я не настолько оптимистичен, как Вы. И наконец, я до сих пор не понимаю, почему Великобритания, которая всегда выступала за свободу торговли, готова покинуть первую зону свободной торговли мирового масштаба.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется нашему гостю из Бразилии профессору Луису Карлосу Брессер-Перейре.

Л. К. БРЕССЕР-ПЕРЕИРА: — Я хотел бы вернуться к тому, что говорила Беверли Силвер о терминальном кризисе гегемонии США, который оформился к 2016 году. Это было очень интересное выступление. И в целом я с ней согласен. Но надо отметить, что когда разгорается кризис и меняются центры притяжения капитала от Голландии к Великобритании, затем к США и Китаю, происходит то, что называется финансоволиберализация. Хотя нам, может быть, надо говорить не о финансоволиберализации, а о сильном экономическом либерализме как заключительной фазе этого процесса. Я хотел бы предложить некоторые решения. Прежде всего необходимо задать вопрос: какая существует альтернатива экономическому либерализму? По мнению экономистов, как ортодоксальных, так и неоклассических, альтернативы нет. И что мы поняли для себя? Что либерализм близок к социализму. Но социализм — это альтернатива капитализму.

Чтобы не было путаницы, я предлагаю всем найти соответствующее название этому процессу. Думаю, можно использовать понятие, которое в последнее время редко употребляется, — это девелопментализм, то есть существование на основе умеренного развития. Капитализм всегда возникал на основе развития, а Англия всегда была либеральной. В Англии и Франции капитализм возник под воздействием меркантилизма, а девелопментализм вернулся в Европу после того, как произошли определенные события. И затем опять же во Франции и Англии мы наблюдали успешное развитие после Второй мировой войны. Начиная с 1980-х годов мы вернулись к экономическому либерализму, или просто либерализму. Считаю, что именно это привело нас к финансовому кризису, высокой нестабильности и ухудшению ситуации в экономике. Это очень неэффективная политическая система.

Гораздо эффективнее работает система, основанная на девелопментализме, то есть на принципах демократии и развития социума. На самом деле эта система была разработана еще Рузвельтом в его новом курсе. И это хорошая альтернатива. Когда я слышу обращения и просьбы от имени Африки, мне хочется предложить коллегам не просить за Африку, а рекомендовать

ей взять на вооружение девелопменталистскую стратегию, то есть стратегию развития, и она сама сможет о себе позаботиться. Латинская Америка сейчас испытывает большие трудности, потому что до 1990-х годов она работала на основе теории девелопментализма, а после перешла на либерализм.

Я у себя на родине занимаюсь исследованиями и публикую свои труды. В них обсуждаю тему нового девелопментализма, как я это называю, то есть альтернативного устройства стратегии макроэкономического развития. При этом, конечно, «голландская болезнь» является очень важным фактором для макроэкономики. Думается, что страны Африки, так же как и Россия, и Бразилия, должны серьезно задуматься над этой моделью и над тем, как нейтрализовать «голландскую болезнь». Единственные государства, которые разбогатели в XX веке, — это страны Восточной Азии. Я не говорю сейчас о Японии, так как там рост начался еще в XIX веке, а вот Южная Корея, Тайвань и Сингапур разбогатели в прошлом веке. Китай еще не разбогател, но к этому идет. И причина в том, что они не страдают «голландской болезнью» и не ориентируются на сырьевую экономику, как Бразилия и Россия. Второе преимущество Китая в том, что он всегда полностью принимал девелопменталистскую стратегию развития, то есть стремился бороться с макроэкономическими ценами, обменным курсом, темпами инфляции, поэтому рынок был несомненно контролировать эти вопросы. В общем, необходима очень сильная макроэкономическая политика, особенно в том, что касается обменного курса национальной валюты.

А. А. ПАНКИН: — Мне хотелось бы отметить, что Луис Карлос и Беверли являются соавторами книги, которая будет выпущена в ближайшее время под названием «Новый мировой порядок». Дальше я хотел бы дать слово профессору из Польши Гжегожу Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — Если мы обсуждаем контуры мирового порядка на будущее, мне кажется, первый вопрос, на который надо получить ответ, состоит в том, носит ли глобализация обратимый характер или она необратима. В связи с этим возникают разные виды национализма, в некоторых случаях ксенофобия, когда все это перерастает в национальный экономический патриотизм. На поставленный вопрос я отвечаю: да, невозможно обратить вспять глобализацию, так как это исторически спонтанный, если не хаотичный, процесс либерализации и интеграции. И поэтому он происходит на разных рынках капитала и труда. И это взаимозависимая мировая экономика. Если определен такой порядок вещей на будущее, то возникает вопрос: какова же основная проблема? Это институционализация мировой экономики. Если этого не произойдет, то без изменений, без внедрения новых правил игры мы потерпим неудачу, и разразится еще больший кризис, который приведет к самым неприятным последствиям. Об этом должны думать все международные организации, начиная с ООН, а также банки.

У меня есть определенное доверие к «Большой двадцатке», когда речь идет о том, что необходимо из-

менить настрой в мире. Это совершенно не совпадает с интересами американского мира, так как США всегда думают о собственных интересах, а не об интересах человечества. Они думают об интересах своего бизнеса. Некоторые теоретики говорят о том, что лидерство переходит к Китаю. Я в этом не вижу ничего страшного, Китай становится все более влиятельным, и это является признаком нашего времени. В начале своего президентского срока Дональд Трамп горячо призывал к продолжению свободной торговли, потому что это приносит пользу большинству жителей всего мира, включая Парагвай, Центральноафриканскую Республику, Монголию и т. д. А как можно двигаться вперед? Думаю, что прежде всего нам нужно признать этот сдвиг, который не просто постепенно распространяется с Запада на Восток, представленный Китаем и Индией, а имеет более широкие перспективы. В будущем мир будет многополярным не только с точки зрения экономики, но и с точки зрения различных институтов и их значения. Это будет другой мир, а не мир богатого Запада, когда миллиард населения Земли контролирует 50 % всех благ мира. Что касается энергетических рынков, считаю, что необходимо более внимательно наблюдать за тем, что происходит в этой сфере. Все заинтересованные страны — Польша, Россия, Турция, Германия — пришли к выводу, что нам необходимо стремиться к открытому бизнесу на основе свободной экономики, так как это единственный мирный и устойчивый способ существования.

В заключение приведу пример Африки. Я побывал в 35 странах Африки, и в 22 из них сейчас процветает терроризм. Однако, как здесь было сказано, по прогнозам ООН на среднюю и длительную перспективу до 2050 года, там количество населения достигнет 6 млрд жителей. Я считаю, это невозможно. Африка не может прокормить даже 2,5 млрд человек. Если мы сейчас не примем меры, то начнется массовый исход из Африки. И если Америка выделит грант на 2,5 млрд долларов, то, наверное, полмиллиона человек покинут Африку, и, конечно, их не интересует Юго-Восточная Азия, они направятся в Европу. Но Европа не сможет принять их.

Я, конечно, толерантен, выступаю за многокультурность, но это нонсенс, что мы сможем принять даже 50 млн африканцев в предстоящие годы. Какой же здесь выход? Очень простой: в Африке необходимо снизить рождаемость, как произошло за последние 40–50 лет в Латинской Америке, где в 1970-е годы уровень рождаемости был 3,5 ребенка на женщину, а сейчас — 2,5. Сейчас в Африке уже мало ресурсов, поэтому, если мы хотим сохранить население в пределах континента, а не увидеть его в Европе, то должны убедить африканцев действовать по индийскому образцу, а не по китайскому. Надо сначала предоставить им ресурсы и рекомендации, как ограничить рождаемость. Конечно, Фонд Билла и Мелинды Гейтс вряд ли сможет им помочь в том объеме, как полностью бюрократизированные организации, но Африка сейчас действительно просит о помощи, и мы должны помочь. Развитые страны должны выделять хотя бы 1 % от ВВП на помощь другим государствам, к при-

меру странам Африки. Кто на что конкретно — это уже другой вопрос.

При этом надо думать о том, чтобы средства распределялись адресно. А что такое 1 % от ВВП крупной страны? Совсем немного. А если Африка и другие бедные государства мира получают 400 млрд долларов, это будет хорошим подспорьем на будущее. Во всяком случае это лучше, чем брексит. Не хочу сейчас обсуждать это решение, но, по-моему, это несусветная глупость, которая ведет не к освобождению экономических процессов, а, наоборот, к их закрытию. Мир должен находить решения, иначе кризис, который мы сейчас переживаем, нам покажется просто мелкими неприятностями.

А. А. ПАНКИН: — Разница в том, что брексит все-таки позволяет британцам жить на те средства, которые у них есть, а Африка не может себе этого позволить.

Г. В. КОЛОДКО: — Но это 0,1 % по своему значению для демографической ситуации.

А. А. ПАНКИН: — Я хотел бы передать слово представителю Республики Беларусь Игорю Ивановичу Бузовскому.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Представляя здесь Республику Беларусь, хотелось бы подчеркнуть, что участники, обсуждающие сегодня столь важные темы, такие как глобализация, процессы, затрагивающие самые отдаленные уголки земного шара, как будто разговаривают на разных языках. Даже мы, сидя за одним столом, говорим, как сытые о голодающей Африке. Конечно, житель африканского континента не поймет тех проблем, которые для Великобритании и Соединенных Штатов Америки сегодня являются актуальными. Но для понимания глобальных процессов, глобализации необходимы единое ментальное поле, единый подход, категорийный аппарат, который мы будем использовать в своих дискуссиях. Мы говорим о том, что глобальные процессы сегодня делают вызовы мировому сообществу, и эти вызовы зачастую негативные.

Само понятие глобального процесса уже содержит противоречие. Глобальный — это значит, что крупные корпорации, международные компании могут отстаивать единые интересы. Но в то же время глобализация диктует разные подходы. Целое — это сумма его частей, самодостаточных индивидов. Глобализация диктует десоциализацию человека. В то же время идет расщепление сознания человека, общества. Глобальные процессы понимаются, с одной стороны, как интеграционные, а с другой — как личностные — я и вокруг меня и я единственный. Единое понимание таких процессов скрывает кризис общества, в том числе психологический. Происходит фактически невращение общества, когда человек не может сделать выбор между «я — личность, мои потребности» и «я — общественное». Ранее, когда существовала мировая двупольность, происходила борьба и достигался вектор нор-

мы, который позволял сделать выбор либо в сторону общественного, либо в сторону личного. Этот вектор позволял сделать выбор между личностными и общественными потребностями.

Наши дискуссии вольно или невольно подводятся к одной и той же фразе: экономическая целесообразность. Экономика управляет теми процессами, которые мы сегодня пытаемся проанализировать. Правильно ли это? Могут ли ценности высшего порядка и высшая истина основываться исключительно на экономических параметрах? Любую категорию мы пытаемся рассмотреть сквозь призму экономических подходов.

Сегодня параллельно проходит дискуссия у философов. И они подчеркивают, что впервые в истории человечества философия не может представить теорию для развития общества. Существуют экономическая стратегия, принимающая решения, либеральные, неолиберальные, коммунистические, социалистические системы, но в настоящее время нет тех посылов, которые можно было бы использовать как схему для дальнейшего развития общества, мирового сообщества. Другими словами, у людей сегодня хватает средств на жизнь, но нет того, ради чего жить. И один из посылов, который хотелось бы обозначить как основной, — это стремление к единым подходам в дискуссиях, особенно на гуманитарных форумах, определяющих ценности, которые будут оцениваться не по категорийным, экономическим понятиям, а в большей мере по гуманитарным, духовным, нравственным. Именно эти понятия могут стать ориентиром и вектором нормы для определения стратегии развития общества.

А. А. ПАНКИН: — Как я понимаю, господин Бузовский затронул ту струну, от которой должен задрожать воздух в наших помещениях, а именно гуманизм развития, то есть при разработке стратегии нахождения консенсуса надо думать о том, чтобы все-таки оставаться людьми и не забывать о достоинстве человека. Слово предоставляется доктору экономики Мануэлю Монтесу.

М. Ф. МОНТЕС: — Я хотел бы отреагировать на несколько тезисов, прозвучавших здесь сегодня. Меня поразила информация от Беверли Силвер. Прежде всего нам надо подумать о том, что может замедлить этот процесс, ведь есть масса факторов, которые вызывают его, и господин Дегарден об этом говорил. Я хотел бы подчеркнуть, что необходимо оказывать поддержку развивающимся странам, в том числе в плане здоровья. Всемирная организация здравоохранения считает это очень важным. Я сегодня поразила цифре 63 трлн, и значительная часть этого приходится на финансовый сектор, в настоящее время в развитых странах самый низкий уровень частных инвестиций.

Не знаю, что на самом деле нужно для того, чтобы повысить уровень производительности, о котором здесь говорилось. Наверное, необходимо увеличение потока инвестиций. Речь идет не о чистой марже, а о масштабах инвестиций для реальной сферы экономики и производства. И результаты исследований показывают, что совершенно понятно, почему частный сектор

не идет на риск повторных инвестиций даже в технологиях. Мы шутим, что Карл Маркс знал уже давно, что неравенство будет расти даже тогда, когда будет расти экономика. И именно потому, что инвесторы боятся вкладывать, это совершенно понятно. И, наверное, сегодня Карл Маркс посмеялся бы над некоторыми теориями. Мы не можем объяснить, почему сейчас процентные ставки такие низкие, а инвесторы не хотят вкладывать средства. Еще один вопрос, который мы обсуждаем, связан с расширением участия государства в экономических процессах. Честно говоря, я не знаю, может ли государство расширить свое участие, даже в Соединенных Штатах.

Мне было очень интересно услышать мнение господи Силвер, и я хотел бы также обратить ваше внимание на следующее. Если США в конечном счете утратят свои позиции, какой будет реакция Европы? Будет ли она стремиться возвыситься, стать независимой от Соединенных Штатов? Для нас, европейцев, развивающиеся страны не проблематичны. Я знаю, что думает Гэри Литтлджон об Африке. Мы думаем по-другому. Хотел бы сказать европейцам: пожалуйста, не обращайтесь на Африку, потому что раньше мы были такими же, как вы, работали по соглашениям об экономическом партнерстве. Соглашение об экономическом партнерстве предусматривает разнообразное положение, включая самые драконовские требования, так что вопрос не в деньгах, потому что мы не будем инвестировать средства на новые проекты. Кроме того, такие соглашения запрещают вводить экспортные налоги.

А. А. ПАНКИН: — Давайте не будем использовать такие выражения, как «не обращайтесь на Африку, или игнорируйте ЕС, Россию или США», потому что мнение каждого государства для нас крайне важно. Теперь выступит профессор Ежи Вятр.

Е. Й. ВЯТР: — Конечно, нельзя отрицать значение экономических факторов, но есть и другие аспекты, неэкономического характера, связанные с международным кризисом. Я уже говорил о том, что еще не закончился процесс отхода от деидеологизации. Семидесятые годы XX века можно считать поворотным пунктом, когда было введено понятие идеологии как основного фактора, воздействующего на политику и даже подрывающего ее. В свое время президент Вильсон перед Конгрессом обосновал свое требование использования чисто идеологических оснований. Он говорил о свободе, демократии и правах человека. Затем, после Октябрьской революции, В. И. Ленин ввел понятие классовых интересов, которые в итоге оказались важнее, чем государственные. Опять же возникает вопрос идеологизации. Потом в течение 100 лет идеология доминировала в международной политике.

Если мы посмотрим на модель взаимоотношений между Советским Союзом и коммунистическими государствами Восточной Европы, становится ясно, что поддержание гегемонии СССР было не в его интересах. Советский Союз оплачивал расходы своих союзников в военной сфере и выступал единственным пла-

тельщиком. Тем не менее по идеологическим причинам советские политики утверждали, что коммунизм победит во всем мире. Советский Союз продолжал такую политику. Таким образом, ради этой идеологии СССР пожертвовал и другими своими интересами. Как для США, например, Вьетнамская война превратилась в плохой бизнес, который обошелся им очень дорого. Но ведь идеология антикоммунизма была оборотной стороной той же монеты — идеологии коммунизма. Затем наступило время (конец 1980-х — начало 1990-х гг.), когда Российская Федерация в соответствии с международным правом стала преемницей Советского Союза, но в то же время с точки зрения мотивации она перестала быть тем идеологизированным государством, каким был СССР.

В результате в Польше появились антироссийски настроенные политики, утверждающие, что в России отсутствует намерение изменить мнение о себе после того, как изменилась идеология. Конечно, деидеологизация произошла, но только односторонняя. И здесь я вижу основной источник конфликтов в том, что Соединенные Штаты Америки еще не последовали примеру Российской Федерации и не отказались от руководящих принципов своей прежней идеологии. Недавно я слушал выступление Джорджа Уокера Буша, который говорил, что Бог завещал Соединенным Штатам устанавливать демократию во всем мире, и это стремление США к развитию «азиатской весны» привело к разрушительным последствиям. Самые разные действия Штатов можно объяснить старой идеологией. Пятьдесят лет назад никто и ожидать не мог, что такое произойдет, но основной политический союзник США, самая крупная держава на Ближнем Востоке, а именно Турция, сейчас политически ближе к Российской Федерации, чем к Соединенным Штатам Америки. И опять же это является следствием идеологизации, потому что то, как США относятся к Турции, а еще больше это проявляется в отношении к ней ведущих стран Европы, объясняется скорее идеологическими причинами, чем какими-либо другими интересами.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы: мы вскоре столкнемся с рядом мелких конфликтов, которые будут связаны с наследием идеологии прошлого. Интерпретируя последние выборы президента США, я считаю, что в Америке возрастает движение против идеологизации. Здесь речь не о том, может ли президент Трамп достичь того, чего хочет. Ему это не удастся. Самое главное то, что почти половина избирателей в США выступили против кампании, которая основана на национальных интересах, на старой идеологии.

А. А. ПАНКИН: — Господин Вятр, небольшое замечание к Вашему выступлению. Я согласен с Вашими выводами, но более подробное исследование мира показывает, что есть еще одна очень сильная идеология, которая мотивирует конфликты, она носит разные названия, но суть одна — фундаментализм, экстремизм, джихадизм. Джихадизм, например, — это просто установка, манифест, не имеющий государственности. Мы не можем сказать, что этой идеологии придерживаются

Саудовская Аравия или какая-то другая ближневосточная, или мусульманская, или буддистская страна. Это очень опасный транснациональный феномен. Это как интернационал: страны были монархические, а движение — революционное, под общим манифестом. Ни в коем случае не сравнивая эти явления, отмечу только, что это мощная идеология, которая медленно, но уверенно распространяется с помощью новых технологий, оружия и анализа слабостей и уязвимостей различных стран. Это то, что я хотел добавить к Вашим словам об ожидающих нас конфликтах, мотивированных остаточными или новыми идеологическими установками. Слово предоставляется известному юристу, адвокату Генри Марковичу Резнику.

Г. М. РЕЗНИК: — Я подхватываю посыл председательствующего, который сделал правильный акцент на том, что в последние два с половиной века доминировала западная цивилизация, это несомненно. Тот технический и научный прогресс, который вывел Запад в лидеры, вырос из двух ценностей: свободы и демократии. Эти ценности являются несомненными, и за них мы должны бороться. Что же произошло? Если до окончания Второй мировой войны и разгрома нацистской Германии мир жил по принципу, который Киплинг зафиксировал так: «Запад есть Запад, Восток есть Восток — и вместе им не сойтись», то после победы стран коалиции, увидевшей ужасы тоталитаризма, фактически было создано международное право: приняты устав Организации Объединенных Наций, декларации, договоры, пакты. И я хочу обратить внимание, что они все ратифицировались, под ними ставили подписи все государства, и западные, и восточные. Изначально проникновение западных ценностей произошло именно в этих странах.

Россия всегда была специфической страной, которой все время хотелось быть уникальной, у нас культура такая. Андрей Донатович Синявский, на мой взгляд, выдающийся писатель и литературовед, сравнивал нашу страну с многослойным пирогом. Конечно, Россия последнюю тысячу лет развивалась в рамках христианской цивилизации. В ходе технической революции в рамках западной цивилизации родилась наука о природе. Исходя из этого, было осознано, что бедность, нищета унизительны. Это осознавалось постепенно. Почему? Потому что Запад развивался в рамках демократии, которая устанавливала юридическое равенство. В свое время Маркс адекватно описал ситуацию, что в страшный период первоначального накопления произойдет поляризация богатства и бедности, и это приведет к мировой революции. Слава богу, его прогноз не оправдался. В общем, на Западе в силу целого ряда причин, особенно здесь сыграли роль и события в России, было осознано, что такой поляризации допускать нельзя. Таким образом, современное капиталистическое общество с преобладанием среднего класса сформировалось тогда, когда стали прорастать западные ценности.

Я очень подозрительно отношусь к слову «духовность», потому что на этом, собственно говоря, играли и продолжают играть традиционные общества,

я имею в виду в том числе и исламские государства. Они считают, что основные ценности там, наверху. Человек — это, прямо сказать, не слишком совершенное создание, поэтому вся его земная жизнь — это подготовка к вечной жизни, которая наступит там, на небесах. Позитивной оценкой Запада было то, что все-таки богатые страны западного мира осознали: мир стал открытым, и вывод Киплинга сменяется глобальностью связей всех стран. Насколько мне известно, в 1970–1990-е годы был достигнут успех в борьбе с бедностью. Программы, которые были внедрены, в том числе и на африканском континенте, во многом подняли уровень жизни, и проблема голода была в большой степени решена.

Что происходит сейчас? Дам свою оценку. Происходят события, которые несопоставимы по своему уровню, но я их соединю: брексит, выборы Трампа и локальные события в России — это протесты против передачи Исаакиевского собора церкви, проблема реновации с массовым сносом пятиэтажек в Москве и протесты дальнбойщиков. А знаете, почему я их соединил? Мне кажется, что демократия забуксовала и люди выступают иногда даже не против содержания, а против формы, в которой стали принимать свои решения элиты. Демократия предполагает, что у людей, живущих в демократическом обществе, есть чувство собственного достоинства, и когда их интересы игнорируют, сверху им преподносят и навязывают что-то такое, чего они не понимают, они начинают сопротивляться. Я неслучайно вспомнил Ганса Магнуса Энценсбергера, который писал, что у элит, руководителей, власти помыслы высокие — построить рай на земле, всеобщее благо для человечества, а люди только путаются под ногами, мешают, от них одни неприятности. А случается это тогда, когда люди не понимают, что происходит. Это, кстати сказать, очень важно для нынешнего состояния развитых стран Запада.

Ну а кризис, собственно говоря, показал и оживил в известной степени те настроения, которые никуда не делись. Оказывается, все фобии, какие-то средневековые предрассудки, нормы, которых, как мы считали, уже быть не должно, живы, они прорастают из глубины веков и работают на интересы некоторых групп; если говорить об исламском мире, то на интересы групп, находящихся у власти. С кризисом сложилась очень опасная ситуация: выяснилось, что богатые люди и страны больше богатеют, а бедные — больше беднеют. Эта ситуация должна нас насторожить. Я полностью солидарен с тем, что сказал коллега: богатые страны, в частности страны Запада, должны осознавать свою ответственность, и именно их лидерство и забота о мире должны предотвращать страшные катаклизмы, которые могут произойти.

В заключение хочу сказать, что совершенно не разделяю тезис о том, что Китай становится лидером и скоро сменит в качестве локомотива мировой экономики Соединенные Штаты Америки. Китай находится в той же ситуации, в которой был Советский Союз в 1930-е годы: избыток бедного населения, недостаток капитала, низкий уровень потребностей, когда за доллар в неделю можно обшивать весь мир. Мне представ-

ляется, что ценности свободы и демократии не надо экспортировать, навязывать, потому что они, может быть, я утопист, сами прорастают. Я глубоко убежден и могу сослаться на исследования биологов, физиологов, что человек прирожден к свободе. Инстинкт свободы дан нам от рождения. Он может быть задавлен тем режимом, в рамках которого развивается человек, но, мне думается, все-таки этот акцент на свободе и демократии должен нас вдохновлять и не порождать на Западе чувства некоей вины. Ну а что касается демократии, очень хотелось бы, чтобы она представлялась в форме меритократии, чтобы наверху были самые свободные люди. Хотя иногда, наблюдая решения, которые принимают власти, я начинаю сильно сомневаться в том, что это когда-нибудь произойдет.

А. А. ПАНКИН: — Теперь выступит профессор Ян Шолте.

Я. А. ШОЛТЕ: — Я пытался вникнуть в те вопросы по поводу Германии, которые были затронуты в самом начале нашей дискуссии, и выступавшие все время возвращались к тому, какова же роль Германии. Это очень важно с точки зрения мирового порядка и сотрудничества на мировой арене. Считаю, что у Германии есть три особенности: во-первых, это доминирующая сила, как материальная, так и духовная, у нее есть и ресурсная основа, и технологическая, и интеллектуальная; во-вторых, она устанавливает правила мирового порядка; в-третьих, обладает легитимностью. Это означает, что те, кому предопределено соблюдать эти правила, обязаны их соблюдать, даже если выступают против этого. Правительство США в середине XX века действительно было своего рода гегемоном на мировой арене. Потом начали говорить, что, может быть, ситуация меняется, но тогда возникает вопрос: чья гегемония может развиваться — немецкая, английская или все же американская? Я не могу ответить на этот вопрос, но склонен согласиться с теми, кто говорит, что речь не идет о передаче гегемонии Китаю или Юго-Восточной Азии. Я вообще сомневаюсь, будет ли гегемония переходить какому-то государству и необходимо ли это.

Все-таки я не стал бы утверждать, что Соединенные Штаты больше не являются гегемоном. Если подумать о создании мирового правительства, то США обладают возможностями создания таких условий на основе Интернета. И я всегда считал, что это относится и к материальной сфере, потому что с точки зрения цифровой экономики у США есть такие возможности. Так что здесь речь идет о финансовом, цифровом и промышленном капитале. Это все разные направления. А у кого еще есть эта доминирующая сила? Страны БРИКС по части цифрового капитала не обладают такой силой. Так что, может быть, США не потеряли гегемонию, а просто изменилась повестка дня? Если подумать о том, что происходит сегодня, мне не кажется, что этот переход, сдвиг был таким уж значительным. Где происходит самый большой дискурс? Говорим ли мы о дискурсе безопасности, о дискурсе рыночной эффективности, где создаются все эти дискурсы?

Ни в Китае, ни в Индии, ни в Бразилии, ни в Саудовской Аравии — это происходит в первую очередь в США и Западной Европе. Я не то чтобы очень рад этому, просто констатирую факт материальной силы, когда думаю о том, кто диктует правила игры и что происходит ежедневно в ходе переговоров.

Правда ли, что Китай так уж сильно поднялся? А ведь сейчас в этом зале нет ни одного представителя этой страны. Думаю, что нам надо осторожнее относиться к заявлениям о столь больших изменениях. Конечно, если говорить об односторонней гегемонии США, она не имеет легитимности. Но если осуществляется сотрудничество с другими странами на основе, скажем, «Большой двадцатки» и если решения разрабатываются не столько политиками или wybranymi представителями, сколько специалистами среднего уровня, которые коллективно обсуждают эти нормы, тогда это важно с точки зрения финансов, экологии и прочих вопросов. Считаю, что мы можем поместить Германию в число таких гегемонов. И если в этом сотрудничестве будут участвовать представители и гражданского общества, и бизнеса, и профессионального сообщества, то, может быть, именно так и должна выглядеть доминирующая гегемония.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется нашему гостю из Сенегала господину Гадио.

Ш. Т. ГАДИО: — Как представитель Африки, я хочу пояснить один вопрос. Я не призывал к тому, чтобы нам, африканцам, выразили сочувствие, как это понял представитель Бразилии. Я бывал на разных встречах, где много времени уделяется обсуждению различных вопросов, но совершенно не упоминаются проблемы Африки. Я хотел сказать, что мировое сообщество должно обратить свои взоры на нее, потому что она превращается в оплот терроризма. Многие согласны с тем, что происходит маргинализация Африки, поэтому я хочу вас призвать включить Африку в мировое сообщество государств и континентов. У нас ведь сейчас уже миллиард населения и огромные пространства. В Совете Безопасности ООН 70 % обсуждаемых проблем относятся к Африке. Мы уже много лет обсуждаем вопрос о предоставлении нам права получить одно постоянное место в Совете Безопасности, потому что многие решения принимаются по нашей ситуации.

Другая проблема — это недостаточная международная солидарность. Я приведу в пример вирус Эбола, от которого погибли 10 тыс. человек. Ведь когда началась эпидемия лихорадки Эбола в Африке, ее невозможно было остановить, она распространилась по всему миру. Подчеркиваю, что вопросы, которые возникают в Африке, не чисто африканские, они имеют международный характер, это относится и к терроризму, и к наркотрафику. Что касается миграции, это тоже не локальная африканская проблема, а международная. Именно поэтому нам нужно думать обо всем человечестве. Я не согласен с коллегой, который сказал, что Африка не сможет прокормить 2 млрд своего населения, это неправда. Африка может накормить весь мир, потому что там плодородные земли, есть вода, ресурсы

и т. д. У нас есть все, но слишком часто в процесс развития Африки вмешиваются извне.

Я не хочу возвращаться к прошлому, которое всем известно. Но все наши лидеры, которые думали о перспективах развития Африки, начиная с Патриса Лумумбы, Амилькара Кабрала, были убиты. Можно вспомнить Томаса Санкара, который пытался изменить девелопменталистский подход к Африке и тоже погиб. Совершенно неправильно думать, что все африканцы просто сходят с ума от желания приехать в Европу. Нет, мы хотим жить дома, но не желаем, чтобы наши друзья из Европы нами управляли.

Теперь вопрос: кто приводит к власти коррумпированных лидеров? Нельзя подозревать Билла Клинтона в глупости. Он сказал, что в его фонде проводилось исследование, которое показало, что республики Конго и Габон обладали ресурсами на сумму 30 трлн долларов, а это больше чем ВВП США, Индии и Китая, вместе взятых. Таким образом, может быть, мы, африканцы, и бедные, но это из-за того, что нам не хватает партнерских отношений. Развитию Африки нужно придать новый стимул.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется госпоже Беверли Силвер, потому что она задала тон нашей дискуссии и, думаю, хочет разъяснить некоторые спорные моменты, возникшие в ходе обсуждения.

Б. Дж. СИЛВЕР: — В 1970-х годах было такое же ощущение, что развивающиеся страны начинают догонять развитые, включая Соединенные Штаты Америки, Европу и Советский Союз. В то время даже создавались девелопменталистские проекты, но вместо этого пришло десятилетие, когда прекратился рост развития и был утрачен механизм внедрения новых технологий. Поэтому я считаю открытым вопрос о том, как можно догнать развитые страны сегодня. Может быть, для Китая и Индии это не так актуально, потому что существует действительно большой резерв технологий, но в то же время применяются шантаж, подкуп и вымогательство. Но все-таки, думаю, что в долгосрочной перспективе есть возможность перейти к фундаментальным сдвигам и трансформациям. Несколько лет назад Обама попытался произвести сдвиги в инфраструктуре, но ему это не удалось.

Еще я бы хотела отметить следующее. Многие говорят, что Китай станет следующим гегемом, но опять-таки это вопрос достаточно спорный и сложный. Было сказано, что здесь нет китайского представителя, но ведь и американских представителей сейчас нечасто встретишь на различных форумах. Что касается циклов и формулировок, прозвучало предложение об облегчении перехода. Здесь надо думать об экологических проблемах. Если Китай будет пытаться вытеснить США, используя ту же самую девелопменталистскую модель, то это не приведет к плохим последствиям. Что касается Трампа, то я разделяю мнение о различии между интересами идеологии и собственными интересами и считаю, что власти зачастую действительно руководствуются именно последними.

Переходный период таит определенные опасности. С точки зрения нового видения, новых перспектив развития, я думаю, Соединенные Штаты Америки действительно откажутся от гегемонистических настроений, но останется привязанность к идеологии, которая связана с тезисом «Америка — номер один». Это красивая идея, как и идея о том, что Америку снова надо сделать великой, но это означает движение вспять, эта расистская точка зрения на самом деле означает нелегитимность президента. Но это высказывается с целью отказать в приеме мигрантов, поэтому трампизм сейчас содействует ксенофобии, берет ее на вооружение. И если подход, основанный на цифрах, говорит нам о том, что одни эпохи сменяются другими, то нам нужно подумать о том, как положить конец этому длительному периоду страданий, найти выход из сложившейся ситуации и призвать людей к действию ради собственного блага.

П. ДУТКЕВИЧ: — Сегодня мы ознакомились с большим разнообразием идей и концепций. Но, по моему мнению, нам удалось научиться чему-то друг у друга и понять, что мы все ощущаем новые веяния, хотя и относимся к ним по-разному. Если мы все разделяем эти достижения нашей дискуссии, это значит, что мы движемся по пути поиска контуров мирового порядка. Хотел бы вас поблагодарить от всего сердца за то, что вы поделились своими взглядами.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется профессору Александру Ивановичу Агееву.

А. И. АГЕЕВ: — Хочу высказаться по двум вопросам. Один из них был поставлен ведущим нашей дискуссии — о доминировании гегемонии, а второй вопрос был затронут вскользь на пленарном заседании и касался тем, связанных с цифровой трансформацией.

Последний вопрос напрямую ассоциируется с гегемонией, в первую очередь валютно-финансовой, которая служит основой и намечает контуры экономического порядка. Исторические условия возникновения гегемонии: во-первых, военное, научное и технологическое превосходство государства, его определяющая доля в мировом валовом продукте, обладание большей частью мирового золотого запаса для установления соответствующего курса валюты, признание этой валюты большинством государств в качестве основной расчетной единицы; во-вторых, опыт управления большими системами, то есть опыт наднационального управления; в-третьих, капитуляция преемственника.

Каков статус этих факторов сегодня? Военное и научно-технологическое превосходство — за США. Доллар занимает более 62 % в мировых расчетах и торговле, основные золотые запасы сегодня хранятся в Соединенных Штатах Америки в Форт-Ноксе. Трамп поставил задачу — вернуть Америке былое величие, что напрямую связано с обсуждаемыми вопросами.

Исторический опыт показывает, что период валютно-финансовой гегемонии может быть достаточно длительным. Напомню, что планы мирового экономического и политического порядка, составлявшие

еся в 1944–1945 годах, были рассчитаны на 25 лет. Это отражено во многих документах, которые сейчас публикуются и американской, и российской, и британской сторонами. В этом заложен определенный смысл, потому что 25 лет — это срок для одного поколения. Рубеж для модели, которая была введена в действие в 1944–1945 годах, — 1970 год. Я имею в виду создание не только ООН, но и всех институтов Бреттон-Вудской системы, обеспечивающих поддержание валютной гегемонии (Всемирный банк и др.).

В 2017 году на основе стратегий текущего гегемона мы можем заключить, что срок может быть продлен за счет, во-первых, способности гегемонии распределять привилегии и выгоды среди союзников (то есть сегодня мы не можем однозначно сфокусировать наше внимание только на одном государстве). Во-вторых, после 1970 года, когда произошел дефолт в обеспечении доллара золотом, под стабильность этой валюты были подведены другие реальные активы, прежде всего нефть. В настоящее время происходит активное распространение биткойна, но, по сути, речь идет о скорости раскрытия криптокода. В-третьих, важнейший метод продления срока гегемонии — создание сложностей потенциальным преемникам. Сегодня в качестве таковых можно рассматривать Европейский Союз и Китай. Одной из целей большой американской стратегии является удержание Германии в рамках ЕС. Кроме того, с 2014 года мы наблюдаем попытки подрыва экономики Китая. По сути, речь идет об операциях в киберсфере, а также в области фондовых рынков. На сегодняшний день ни Китай, ни Европа, ни кто-либо еще не обладают факторами, которые позволяют говорить о них как о возможных преемниках мировой валютно-финансовой гегемонии.

К 2030 году ситуация изменится, более того, произойдет совпадение, синхронизация нескольких циклов — Кондратьева, Жугляра и др. По сути, к 2030 году ситуация вернется в состояние, существовавшее в то время, когда Великобритания (с фунтом стерлингов) стала мировым гегемоном. Доля Китая достигнет трети от мирового ВВП, причем это касается не только базового ВВП, но и многих других факторов. Д. Трамп все это понимает. В частности, это один из ответов на вопрос, почему США прекратили формирование транстихоокеанского и трансатлантического партнерства и другие интеграционные проекты.

Возникает иллюзия, что речь идет о сворачивании процессов глобализации. Мне кажется, что это ошибочное мнение, поскольку именно сейчас, в последние 5–7 лет, возникли технологические возможности глобализировать влияние в другом пространстве, которое можно назвать передовым, — это оцифровка экономики и доминирование в космосе.

Сегодня лучше иметь дело с отдельной фирмой, отраслью, с конкретным человеком (для этого есть технологические и информационные возможности), чем с крупным союзом партнеров по интеграционному объединению. Не случайно актуален вопрос о достижении глобальной ситуационной осведомленности, поскольку ситуация так быстро меняется, что нет смысла создавать длительные жесткие форматы. Таким образом,

именно колоссальный прогресс в области цифровой экономики создает возможности для новых решений в плане глобализации и поддержания гегемонии.

Сейчас в мировой экономике можно выделить три сектора. Один сектор — традиционный (промышленность, сфера услуг и т. д.). Он дает быструю и долговременно понижающуюся прибыльность. Вторым сектором, который до сих пор считается основным врагом и манипулятором рынка, — финансовый сектор, банки и финансовые организации. Год назад мы наблюдали панику банкиров, когда кто-то начал забирать ту часть сверхприбыли, которую раньше они успешно присваивали и т. д. Речь идет о представителях цифровой экономики, то есть о программах, структурах и лицах, которые стоят за разработкой программ промышленного и финансового секторов. Эти технологии, отрасли возникнут в ближайшие 2–3 года, потому что срок внедрения новых технологий в реальность сократился с 70 лет (когда появились первые 50 млн пользователей автомобиля) до одного-двух.

В философии цифровой эпохи заложена бинарность, то есть дихотомия, она возникает на основе технологического принципа бинарного кода, политических и культурных дискуссий. В этой системе управление будущим мыслится на основе обработки всех массивов информации — big data о прошлом и настоящем объекта управления (страны, народы и т. д.), игнорируются интересы самоуправления, цели, ценности, мотивации объекта управления. Такое поведение для цифровой системы целеполагающее, телеологическое, оно нерационально, неоптимально, неэффективно.

Существуют ли технологические перспективы преодолеть этот «фейерверк» в экономике и одновременно тупик, поскольку возможность управления массами людей, контроля за персональными данными позволяет реализовать утопии Хаксли и Оруэлла? Такая возможность существует и связана с «живым суперкомпьютером» Brainnet, использованием свойств различных пространств. Именно в этой сфере сейчас происходит серьезный научно-технологический прорыв к новым принципам.

Возникает вопрос: возможен ли конфликт цивилизаций? Если апеллировать к прошлому, смене мирового порядка, то раньше подобные вопросы решались посредством войны. Смена предыдущих гегемонов произошла вследствие двух войн — Первой и Второй мировых. Поэтому традиционно отношения между нациями и народами строились на принципах силы или выгоды или на том и другом. Однако можно предсказать, что в 2030–2045 годах возникнут серьезные проблемы космического и природного характера (в частности, вода, продовольствие и пр.) и человечество будет обречено найти способы взаимодействия, не используя традиционные, такие как войны. Именно новый научно-технологический прорыв научит нас примирительности, о чем говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев и было упомянуто на пленарном заседании.

А. А. ПАНКИН: — Хочу добавить к сказанному, что идеология потребления, которая после Второй мировой войны вовлекла весь мир в орбиту гегемонов, со-

храняется. Современная цифровая экономика тоже направлена на то, чтобы потреблять больше услуг и товаров. С учетом характера Лихачевских чтений, где экономические, стратегические и прочие аспекты рассматриваются с точки зрения гуманизма, мне кажется, что уровень потребления с развитием глобализации повышается, то есть все меньше места отводится свободному мышлению. Свободный обмен мнениями существует, но он протекает в русле, которое только формируется.

Слово предоставляется господину Якову Георгиевичу Шемякину.

Я. Г. ШЕМЯКИН: — Я бы хотел продолжить тему взаимодействия цивилизаций (диалог или война), которую Александр Анатольевич задал вчера. Нобелевский лауреат, мексиканский мыслитель, философ и поэт Октавио Пас еще в середине 1970-х годов в своей работе с характерным названием «Одна Земля, четыре-пять миров» высказал мысль, что вопреки глобализации в мире развивается качественно иной процесс, который он назвал мятежом исключений. Эти исключения считают себя вовсе не исключениями, а правилом, единственным воплощением реальности, судьбы своих народов и человечества в целом. Речь идет о том, что наряду с глобализацией акцентируется своеобразие разных региональных и локальных общностей (территориальных, культурных, языковых). Самыми крупными и значимыми из них являются цивилизации. Контуры мирового порядка в XXI веке (именно так называется и наша секция) будут определяться тем, как выстроит взаимодействие два качественно различных по своей этнологии процесса — глобализация и мятеж исключений — и насколько удастся эти процессы гармонизировать.

В связи с этим имеет смысл присмотреться к опыту БРИКС. Входящие в эту организацию страны очень различаются. Обычно на этом акцентируется основное внимание. Но БРИКС существует. Что объединяет эти страны? Первое, что озвучивается во всех выступлениях участников БРИКС, — установка на то, что центр принятия жизненно важных решений должен находиться внутри страны, а не вне ее, не на Западе. Это стремление объединяет всех, несмотря на различия. Фактически речь идет о более глубоком процессе, попытке изменения направления мирового развития, которое со времен развертывания последнего этапа глобализации, примерно с 1980-х годов, характеризовалось явным преобладанием экзогенных факторов над эндогенными, внутренними факторами развития той или иной страны или группы стран.

Члены БРИКС, насколько я могу судить, анализируя их документы, фактически в глубинной мотивации ставят вопрос об изменении соотношения экзогенных и эндогенных факторов в пользу последних. С этим связано и переосмысление роли национального государства: начиная с 1980-х годов на Западе высказывается мнение, что оно отмирает. Но, как говорится, слухи о смерти национального государства оказались сильно преувеличены. Все страны — члены БРИКС объединяет акцентировка роли национального государства в процессах,

происходящих в мире. Именно национальные государства, в понимании членов этого объединения, являются главным институциональным фактором в борьбе за полицентричный порядок мира.

Никто из членов БРИКС не отрицает объективного содержания процесса глобализации, который можно свести к интенсификации контактов во всех сферах жизни. Тем не менее глобализация понимается не как процесс одностороннего воздействия технологических, политических и иных лидеров стран Запада на остальной мир, а как процесс взаимодействия в рамках интенсивных контактов во всех сферах жизни.

Возникает еще одно обстоятельство — осознание процесса модернизации. Последние десятилетия, в том числе в западной мысли, характеризуются жесткой критикой европоцентризма. Одно из наиболее влиятельных направлений мысли сейчас — так называемая теория множественности модернов, у истоков которой стоял Шмуэль Эйзенштадт из Иерусалимского университета. Суть этой концепции заключается в том, что местные традиции — культурные, цивилизационные — являются необходимым фактором для успешного развертывания процесса модернизации в соответствующих странах и регионах. Вне взаимодействия этих традиций невозможна модернизация, основные ценности которой впервые были сформулированы на Западе еще в эпоху промышленной и научной революции в XVII–XVIII веках. Подлинный процесс модернизации возможен только в результате творческого синтеза императивов модернизации, первоначально заданных Западом, и местных духовных традиций. Такая постановка вопроса основывается на убеждении, что восприятие новаций может быть успешным только в том случае, если оно будет творческим. А на творчество способен влиять тот, кто сохраняет стержень в своей душе — собственные традиции. На Западе, несмотря на критику европоцентризма, в целом, во всяком случае в политическом дискурсе, преобладает позиция, что западная модель является оптимальной и обязательной к исполнению для всех. Все представители БРИКС акцентируют внимание на том, что только в результате творческого синтеза достижений современности и собственных традиций возможна успешная модернизация.

В основе ценностей модернизации, которые впервые были сформулированы и воплощены в Западной Европе, а впоследствии в Северной Америке, лежат два принципа — принцип свободы выбора во всех сферах жизни и принцип рационального подхода к миру. На Западе преобладает определенный — формальный — тип рациональности, который был проанализирован Максом Вебером еще в начале XX века.

Пытаясь обобщить результаты Вебера и представителей веберовского ренессанса 1970–1980-х годов, я пришел к выводу, что этот тип рациональности наделен тремя основными признаками. Первый признак — убежденность в том, что все можно сосчитать. То, что не поддается счету, не имеет значения. Качественные характеристики вещей и процессов не имеют значения. Второй признак — если можно все сосчитать, значит,

все можно познать. «Мир расколдован», — сказал Вебер, нет ничего непознаваемого, есть только не познанное человеком. Третий признак — раз мир можно про считать и познать, им можно управлять.

Безусловно, формальная рациональность осуществляет мощную экспансию, в том числе на страны БРИКС и весь мир. Но в ходе истории ни в одной из стран, которые входят в БРИКС, этот тип рациональности не смог подавить иные типы, в конечном счете сводимые к одному, который Вебер назвал ценностной рациональностью. Этот тип рациональности в первую очередь учитывает качественные характеристики явлений и процессов, и поэтому он открыт для диалога с иным полюсом духовной жизни — верой. При всех различиях между конфуцианской рациональностью Китая, индуистской рациональностью Индии, православным рацио России (которое опирается на мощную византийскую традицию каппадокийской школы богословия), концепцией убунту в Южной Африке, католической рациональностью Бразилии (в своей основе иберийской, где честь всегда ставилась выше выгоды) — все они относятся к ценностной рациональности. Страны-члены БРИКС объединяют общий тип рациональности и то, что на их духовных пространствах развертывается сложное и конфликтное взаимодействие этого типа с рациональностью формальной, что свидетельствует о том, что БРИКС — неконъюнктивное объединение.

А. А. ПАНКИН: — Господин Шемякин изложил материал комплексно, показав высокое владение им. Слово предоставляется академику Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Хочу прокомментировать выступление профессора Вятра на пленарном заседании. В частности, он сказал, что после распада Советского Союза у западного мира был шанс пойти по пути России, и, по существу, обозначил проблему нравственной ответственности перед будущим великих держав. Правда, Запад не пошел по пути России. Это признают западные политологи, заявляющие, что после развала коммунистической системы Европа не выработала новых принципов общежития, развития, а решила воспользоваться ситуацией для расширения территории свободы. Там уже есть Европейский Союз, используя ценности которого они расширяют территорию свободы, в том числе посредством НАТО.

Ельцинская Россия лежала в руинах, Варшавский военный блок перестал существовать, а НАТО сохранилось. И несмотря на обещания не приближаться к границам России, оно уже здесь. Поэтому нравственная тема заслуживает специального обсуждения на нашей сессии. Этот вызов России, которая в противовес НАТО не создала нового блока, а решила укрепить сама себя, не способствовал укреплению мира. По существу, мы сейчас вновь находимся в состоянии борьбы. Ответственность за это лежит на крупных западных лидерах, США и ЕС, превративших идею расширения территории свободы в национальную глобалистскую идею.

Профессор Колодко сказал, что глобализация осуществляется хаотично. На мой взгляд, это не так: она совершается целенаправленно и организовано, и известно, из каких центров ею управляют. Навязчивая идея расширения свободы напоминает мне анекдот советского времени: «Будет ли война?» — спрашивают армянское радио. «Нет, — отвечает армянское радио, — войны не будет, но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется».

В связи с рассматриваемой темой можно затронуть вопрос об ответственности небольших стран (великих, но небольших по численности наций). Расширение территории свободы осуществляется за счет изоляции России. Существенную помощь в этом оказывают именно небольшие страны.

Петр Дуткевич говорил о дефиниции страха, который может быть реальным или спекулятивным. Все небольшие страны заявляют об опасности, исходящей от России. Якобы Россия не сегодня-завтра вторгнется в Эстонию, Латвию, Польшу, Болгарию и т. д. Но Россия никуда не вторгается, зато там размещаются военные подразделения США, проводятся учения, например в Эстонии вдоль восточных, а не западных границ. Поэтому мне кажется, что небольшие страны тоже несут ответственность перед будущим. Они вольны выбирать собственный путь развития, но должны соблюдать нравственные принципы и не руководствоваться прошлыми обидами. Многие страны испытывают чувство обиды по отношению к России, и у России есть свои обиды, но не нужно идти по этому пути. Если пытаться загнать медведя в угол, что мы сейчас наблюдаем, то он может начать огрызаться. Разве кому-нибудь это нужно?

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется господину Брюно Дегардену.

Б. ДЕГАРДЕН: — Хочу осветить ряд моментов, затронутых господином М. Монтесом. Во-первых, речь шла о возрастании долга в последнее время, к тому же долга не только физических лиц, но и государственного (причем не только в промышленно развитых странах, но и в развивающихся). Долг Китая в 2005 году составлял 1,4 % ВВП, а сегодня — 1,7 %. Большая часть долга может быть уменьшена с целью развития экономики, создания новых рабочих мест и поддержания политической стабильности. Большие задолженности в различных секторах экономики создают проблемы для стабильного будущего. Рост государственного долга в Испании в 2007 году составил не более 6 % ВВП, а теперь он равен 100 %. Страны пытаются стимулировать свою экономику, используя дефицит бюджета (когда он составляет 10 %). В Ирландии тоже достаточно большой долг, потому что они пытались развивать свой банковский сектор. В 2017 году во всем мире наблюдался рост долгов и дефицит бюджета.

Во-вторых, господин Монтес упомянул об инвестициях. В настоящее время инвестиции не такие крупные, как раньше. Страны все больше ориентируются на развитие сферы услуг, ВВП изменил свою структуру, поэтому уровень капитала в цифровой экономике

вырос, по сравнению с тем, что было раньше. Кроме того, получает распространение экономическая глобализация, потому что уже не нужен крупный капитал, во многих секторах существуют излишние производительные мощности. Например, в Китае именно в алюминиевую промышленность компании хотят инвестировать средства.

Хочу присоединиться к высказанному мнению, что у западных компаний есть перспективы, поэтому необходимо требовать от них стабильных доходов. Но мы не рассчитываем, что повысятся расходы потребителей, вследствие этого некому будет продавать дополнительную продукцию.

Следующий вопрос, который затрагивался на пленарном заседании, — робототехника, позволяющая стране развиваться, обеспечивающая повышение конкурентоспособности. По моему мнению, робототехника не является врагом занятости. Поскольку этот вопрос широко обсуждается на разных уровнях, мы провели исследования. Многие считают, что через 10 лет из-за роботизации может быть сокращено 10–20 % рабочих мест, что робототехника действительно ведет к сокращению занятости. Но если мы будем развивать экологию, то сможем решить проблему роботизации в интересах работающих. Поэтому я считаю, что мы должны продолжать этот процесс. Во Франции роботы используются в два раза больше, чем в Германии, но уровень занятости там в два раза выше. И если мы сравним баланс различных компаний, то увидим, что декларируемый доход компаний не зависит от оборота.

Также меня волнует ситуация, складывающаяся вокруг Китая. Как уже было сказано, между Китаем и Вьетнамом, Филиппинами возникают конфликты, причем не только военные, но и экономические (в Южно-Китайском море обнаружены запасы нефти, железа и прочих ископаемых).

Если говорить о риске возникновения конфликтов, то следует привести цифры. Военные расходы Китая составляют 140 млрд долларов, или 1,4 % ВВП. В США на оборону тратится более 600 млрд долларов, что составляет гораздо больший процент от ВВП. Соединенные Штаты Америки помнят о том, что начиная с 1950-х годов происходило в Ираке, Вьетнаме и других странах, поэтому и тратят колоссальные средства на вооружение, но пока это не принесло им большого успеха.

А. А. ПАНКИН: — К микрофону приглашается академик Валерий Александрович Черешнев. В ходе нашей дискуссии упоминалось, что раньше войны и чума определяли развитие человечества и могли перерезать контуры будущего. И сегодня разные катаклизмы (космические, геологические, инфекционные и пр.), которые не зависят от нашей воли и не поддаются управлению, могут помешать выстраиванию будущего.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Последние девять лет я возглавлял Комитет Госдумы по науке и наукоемким технологиям, и меня всегда интересовало, как политические и экономические отношения влияют на человека.

Конфликтотенным является механизм коллективного, когнитивного, бессознательного. На примере отношений представителей западных стран и мусульманского мира можно показать, что привычки имеют доминирующее значение. Но интуиция у большинства населения в мире — мусульманском или западном — оказывается одинаковой. Сегодня сознательное базируется на бессознательном, в котором главное — интуиция. Чтобы изменить сложившуюся личность, нужны механизмы (воспитание, убеждение и т. д.). Политический ислам (крайняя степень его выражения — «Исламское государство») отстает свои традиции и борется с культурным исламом. Начало борьбе положил Абд ар-Разик в своем труде «Ислам и основы правления» (1925), в частности он предложил оставить духовное исламу, а светские органы должны управлять земными делами.

Выход из сложившейся ситуации видится в эффективности и целесообразности. Западные ценности, посредством силовых методов проникая в мусульманский мир, являются неприемлемыми для части мусульманского населения и служат основой протеста. Большинство раздражителей в мире вызывает у человека отрицательные эмоции. Почему отрицательный эмотивный фон всегда главный? Эти воздействия не связаны с тем, что личность ожидает увидеть или услышать.

Сегодня в мире широко распространено такое явление, как «утечка мозгов» (глобальное переселение ученых). Как сказал Пастер: «У науки нет границ, но у ученых есть Родина». Больших успехов достигает та нация, чьи ученые являются лидерами в науке. Лидер среди стран — Соединенные Штаты Америки. Иногда их называют «мировым пылесосом», всасывающим мировой интеллектуальный потенциал. Молодежь из Франции, Германии и России уезжает в США.

Начало глобальной «утечке мозгов» 250 лет назад положил Петр I. В 1724 году была создана Российская академия наук. После 20-летней переписки с Лейбницем Петр I пригласил в Россию 17 ученых из трех стран: Швейцарии (четыре человека), Франции и Германии. Самым пожилым из приехавших в Россию ученых был Герман Якоб, первый российский академик (1725). Также из Швейцарии приехал 19-летний математик и физик Леонард Эйлер, ставший одним из первых российских академиков. В 1725 году в Петербургской академии наук состояли 17 членов — 14 академиков и 3 субординатора, то есть кандидата в академики. Ни один из них не говорил по-русски. Президентом Академии наук назначили 18-го члена — лейб-медика Петра I Лаврентия Лаврентьевича Блюментроста. С этого момента началось развитие российской науки.

Уже через 20–30 лет науку в России возглавил русский ученый — М. В. Ломоносов. В 1750 году Ломоносов написал в своем труде: «Величие, могущество и богатство всего государства состоит в сохранении и размножении российского народа, а не в обширности, тщетной без обитателей». Далее он продолжает, что важно не количество людей (при Петре I в России проживали 25–27 млн человек при средней продолжительности жизни 45–48 лет), а их качественные харак-

теристики: «...учением вкорените всем в мысли, что... обманщик, грабитель, неправосудный, мздоимец, вор и другие образы ближнего повредитель прощения не съест, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов» — борьба с коррупцией по Ломоносову.

И до новой эры люди мыслили, работали и писали гениальные труды. Но за две тысячи лет существенным образом изменилась патология. Главный показатель качества жизни сегодня — продолжительность жизни (раньше среди приоритетных показателей назывались средняя зарплата, количество квадратных метров на человека, внутренний продукт на душу населения). Сегодня двадцатку стран — лидеров по продолжительности жизни возглавляет Япония, где средняя продолжительность жизни составляет 84 года (женщины — 85, мужчины — 83), № 1 по качеству жизни; затем идут Скандинавские страны — 81–82 года, Европа — 80 лет, США — 79–80 лет. В нашей стране средняя продолжительность жизни — 72 года (у мужчин — 66 лет, у женщин — 78). Этот показатель — разница в 12 лет — свидетельствует о том, что за последнее столетие мужчины в России многое пережили: пять революций, две войны (из 27 млн погибших во время Великой Отечественной войны 90 % — мужчины). Такой разницы между средней продолжительностью жизни мужчины и женщины нигде в мире больше не существует.

Хотя в каждой более чем из 200 стран женщина живет дольше мужчины. Это не запрограммировано генетически. Мировое развитие говорит о другом. Российские геронтологи, профессор Анисимов и академик Хавинсон, подсчитали продолжительность жизни нобелевских лауреатов (на 99 % это мужчины). Всего Нобелевскую премию получили примерно 800 человек, на сегодня живы 400 из них. Средняя продолжительность жизни сегодняшних лауреатов — 88–90 лет. Это говорит о том, что мужчины, занимающиеся умственной деятельностью, живут долго.

В настоящее время получили распространение новые болезни, такие как СПИД и др. Начиная с 1908 года возникают мутации (в Центральной Африке, Конго и Гаити, которые находятся рядом с США). Например, в современных экологических условиях возникли зоонозные и антропонозные инфекции.

Глобализация проявляется в том числе и в распространении инфекций. Количество вирусов с каждым годом будет только увеличиваться, потому что все выпускаемые лекарства направлены на борьбу с бактериями, а против вирусных заболеваний антибиотики бессильны, так как вирус живет в клетке. Антибиотики убивают бактерии, которые являются мощным противовесом вирусам.

Еще одна новая патология — прионы (особый класс инфекционных агентов, представленных белками с аномальной третичной структурой и не содержащих нуклеиновых кислот). Их возникновение (в 1978–1980 гг.) связывают с почесухой у обезьян. Американец Стенли Прузинер расшифровал третич-

но измененный белок-медиатор, который отвечает за биоритмы в нашем организме, смену дня и ночи, времен года и т. д. Этот белок, скручивая молекулы, становится не передатчиком, а амилоидом, склеивающим передачу импульсов. Если это происходит в головном мозге, возникает болезнь Альцгеймера, если в височных долях, отвечающих за движение, — болезнь Паркинсона и т. д.

То есть наряду с улучшением качества жизни возникают условия для создания новой патологии. Инкубационный период прионных болезней — 30–50 лет. 30 % патологий у людей старше 85 лет связаны с прионными болезнями (болезнь Альцгеймера — это болезнь соответствующего возраста). Возможно, средняя продолжительность жизни человека достигнет 100–120 лет, как предсказывал выдающийся советский ученый Александр Александрович Богомолец, который в годы войны был вице-президентом, а после войны — президентом Украинской академии наук. Поправка на социальное воздействие — 15 лет.

Последнее открытие геронтологов мира — примерно в 40 странах мира средняя продолжительность жизни человека составляет 80 лет. Сегодня ежегодно к показателю средней продолжительности жизни прибавляются три месяца. Через 30–40 лет, если не разразится война, развитые страны достигнут показателя продолжительности жизни 90–95 лет. К концу XXI столетия, если все будет нормально, возможно, будет достигнут столетний рубеж.

А. А. ПАНКИН: — Негативные эмоции в нашем мозгу сохраняются дольше и доминируют над позитивными. Может быть, этот факт объясняет невозможность отказа от фундаментализма. Люди живут в современных условиях, радуются жизни, а память о том, что нужно убить соседа, потому что 500 лет назад его предками была нанесена обида, сохраняется. Действительно, иногда этот фактор становится мотивирующим в развитии международных или внутригосударственных отношений.

Слово предоставляется господину Гансу Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — Позволю себе несколько замечаний о политических, социальных и культурных аспектах. На мой взгляд, пришло время пересмотреть созданные ранее парадигмы, которые связаны с имперскими представлениями. Тридцать лет назад было предложено внимательно посмотреть на историю человечества, в частности на Римскую империю, чтобы можно было говорить о будущем, в частности США. Некоторые президенты США уделяли внимание аспектам, связанным с развитием временных парадигм. Велись дискуссии о том, насколько важно для США быть мировым лидером, например, с военной точки зрения. Много говорилось об ответственности США перед миром.

Все это время борьба продолжалась, идеи обсуждались и критиковались. Теперь мир многое осмыслил и вновь стремится к многополярной конфигурации. ООН может стать эффективной организацией, если она проведет реформы, соответствующие поставленной цели — установлению многополярного мира. На этой

платформе должна быть создана основа для движения в сторону мультиполярного мира. Платформа многополярности была заложена в 1945 году. Но мир с тех пор существенно изменился. Возможно, теперь необходимо переформатирование не только этой организации. К сожалению, трансформации не всегда проходят легко, потому что непросто адаптироваться к требованиям нашего времени. Ошибки совершаются многими организациями, в том числе в рамках ООН. Некоторым людям кажется, что можно остановить историю. Именно на основе такой идеологии совершались большие ошибки. Возможно, нужно изменить Устав ООН после консультаций со всеми странами. Списка из ведущих пяти стран недостаточно, если речь идет о многополярном мире.

Мои надежды связаны с развитием, направленным в сторону интеграции, создания глобальных регионов, которые войдут в ООН. Эти регионы смогут обеспечить баланс. Африка, Южная Америка должны быть включены в такие региональные конструкции.

Существуют и другие аспекты развития мирового порядка. Развитие информационных технологий оказывает огромное влияние на глобальный, мировой порядок и изменение баланса в мире. В результате произошло размывание и даже исчезновение границ между частным и общественным. Это влияние оказывает воздействие и на демократию, мейнстрим, массмедиа, которые являются властью в государстве. Все эти тенденции переплетаются друг с другом и проникают в нашу жизнь. Если мы говорим о социальных медиасредствах, то можно выделить мегатренды, которые оказывают огромное влияние и, к сожалению, разрушающий эффект на политические системы.

«Цветные революции» на европейской территории и «арабская весна» — яркие тому примеры. Мы видим, что события могут иметь непредсказуемые последствия. Возможно, иллюзии касаются индивидуальной власти. Но государственные политические структуры вовлекаются в эти действия, и курс развития подвергается такому влиянию. Мы еще будем наблюдать события, аналогичные «арабской весне».

Доступность новых технологий сделала более турбулентным переход к многополярному порядку. Сегодня сложно точно предсказывать. Если мы говорим о турбулентности развития многополярного мира, то здесь существует большая неопределенность. Это касается, в частности, ядерного вооружения, потому что обладание ядерным оружием может изменить баланс сил или осуществить сдвиг по направлению к многополярному или однополярному миру. Например, Северная Корея — не очень развитая держава как с экономической, так и с социальной, культурной точки зрения. Но она усиливает ядерный потенциал, возможно, вскоре будет обладать оружием массового поражения, что полностью изменит вектор развития.

С точки зрения осмысления этой проблемы показательно следующее. Президент США в связи с кризисом на Корейском полуострове недавно заявил, что, несмотря на все проблемы с Северной Кореей, для него было бы честью встретиться с Председателем Высшего

совета КНДР, несмотря на противоречия. Это высвечивает проблему, связанную с влиянием на мировой порядок ядерного оружия. Мы не должны забывать, что режим нераспространения ядерного вооружения в общем не действовал так, как предполагалось. Несмотря на соответствующие документы, не произошло развития событий, хотя на договор о нераспространении возлагались большие надежды. То есть события могут развиваться непредсказуемо, о чем свидетельствует то, что произошло на Ближнем Востоке.

Что делать со страной, которая представляет угрозу для других, потому что ее руководство полагается только на ядерную силу? Как защитить себя в этой ситуации? Какие политические гарантии можно выработать в данном случае? Является ли использование ядерного оружия законным в случае, когда на повестке дня стоит выживание конкретной страны? Международный суд ООН оставил эти вопросы без ответа. Мы постоянно подчеркиваем важность нераспространения ядерного оружия и рассуждаем о влиянии этого аспекта на наше будущее. Но пока не найдены ответы на эти вопросы, ситуация непредсказуема.

А. А. ПАНКИН: — Теперь передаю слово профессору Вадиму Россману.

В. И. РОССМАН: — Одной из центральных тем наших дискуссий была тема неравенства. Мне кажется, один из важнейших аспектов этой темы выпал из наших обсуждений, а именно географическая структура неравенства внутри конкретных стран. На мой взгляд, эта огромная проблема привела к той социальной поляризации на глобальной арене, которую мы сегодня наблюдаем. Причем эта поляризация обычно ассоциировалась со странами третьего мира, но сейчас этот уровень неравенства между различными регионами и между крупными и маленькими городами является беспрецедентным. И в частности, мы можем обратиться к примеру недавних выборов в США, которые привели к президентству Трампа, выборов в Турции, во Франции, ситуации с брекситом — все это связано с невероятной поляризацией доходов между крупными городами, особенно столичными, и более мелкими и средними городами. И голосуют эти города по-разному, то есть, скажем, Лондон голосует совершенно не так, как города на севере Великобритании. В Турции Стамбул — это в основном либеральные голоса, в то время как большая часть страны — консервативные избиратели. То же самое мы видим во Франции: либерализм сосредоточен в Париже, в то время как большая часть страны испытывает антиэмигрантские настроения, там оказывают влияние правые политические партии.

Интересно обратить внимание, что эта закономерность относится не только к традиционным моноцентричным странам, как, скажем, Англия или Франция, развитие которых сконцентрировано в Лондоне или Париже. Но также в таких полицентрических странах, как США. Причем там невероятно богатеют именно столичные города. Если мы возьмем Вашингтон в США, то на настоящий момент 11 из 20 самых бога-

тых графств США сосредоточены вокруг Вашингтона. Это очень необычно. То есть если взять всех банкиров Нью-Йорка, предпринимателей Силиконовой долины, нефтяных королей Техаса, фармацевтическую промышленность Сан-Диего и Лос-Анджелеса, то во всех этих регионах богатых графств, вместе взятых, меньше, чем вокруг Вашингтона. Подобная же проблема есть и в Китае. Как мы знаем, страна очень динамично развивается, тем не менее, к примеру, восток Китая живет по-прежнему в страшной нищете. Когда мы приводим средние цифры роста, то должны понимать, что в основном это развитие сосредоточено в нескольких крупных городах, а часто вообще в одном.

Существует некий триумфальный тон, когда мы говорим об урбанизации, но опять же нужно иметь в виду, что в большинстве развивающихся стран ее качество очень низкое. Во многих странах, особенно в Латинской и Центральной Америке, больше четверти городского населения живет в столичном городе. То же самое мы видим в Африке и Азии, где происходит миграция населения в крупные города, а следовательно, возникает периферийное развитие. Мы говорим об урбанизации как о каком-то положительном процессе, но в реальности на настоящий момент она очень низкого качества. И хотя за последние 20 лет в значительной степени преодолена концепция поляризации между глобальным севером и глобальным югом, а также между востоком и западом, поляризация внутри государств создает предпосылки для очень серьезных дисбалансов, которые транслируются также на международную арену.

В связи с этим хотелось бы также сказать о судьбе национального государства. Если мы посмотрим, скажем, на Великобританию, то одной из причин брексита является такой уровень поляризации доходов, что, в общем-то, здесь трудно говорить о каком-то национальном государстве. Голосование за брексит, кстати, и шотландский референдум тоже с этим связан, во многом было стимулировано как раз тем, что в течение многих лет целое поколение британской администрации обещало, собственно, исправить этот дисбаланс между беднеющим севером и богатеющим Лондоном. Естественно, такой город, как Лондон, чрезвычайно успешный в качестве глобального центра, оказался причиной обнищания провинций Великобритании, по крайней мере многие экономисты так считают. Хотя с точки зрения экономики, и это часто подчеркивается, по-моему, около 2 тыс. фунтов на обеспечение каждого гражданина идет из налоговой базы, которая зарабатывается в Лондоне как в глобальном городе. И в связи с этим встала проблема столичных городов. Чем должен быть столичный город? Может ли такой город, как Лондон, и другие богатые города, эффективно выполнять функцию столичного города?

А. А. ПАНКИН: — Мы стараемся все-таки говорить о тех контурах будущего, которые будут определять жизнь на планете в отдельных ее наиболее критических, конфликтных регионах. Я понимаю, что урбанизация имеет к этому отношение, но можете ли Вы предложить какое-то связующее звено между выбором

месторасположения, размером столицы и развитием человечества в будущем?

В. И. РОССМАН: — Проблема столицы не является замкнутой на конкретные государства. Я как раз пытался показать ее системный характер. Эта проблема есть и в России, и в Китае, в государствах с самыми разными политическими режимами. На мой взгляд, выход на более глобальную тематику связан с тем, что сейчас происходит очень много региональных конфликтов, которые выплескиваются на международную арену в виде терроризма и тому подобных явлений, связанных с дисбалансами. Сейчас мы видим эти дисбалансы в государствах Ближнего Востока и Северной Африки. Они как раз и приводят к кровопролитным гражданским войнам, которые происходят в Сирии, Ливии, Ираке, Йемене. Общее между ними заключается в том, что эти страны разбиты на две части, скажем, сунниты и шииты в Ираке и Йемене, Триполитания и Киренаика в Ливии. Их исторические колониальные столицы как раз находятся в определенных местах, связанных с внешними факторами, но конфликты носят международный характер. Поэтому если будут разрешены дисбалансы национального характера на локальном уровне, то станет меньше конфликтов и в мире.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется профессору Робину Мэтьюзу.

Р. МЭТЮЗ: — Я хотел бы сказать, что получаю очень большое удовольствие от Чтений. Мне нравится, что здесь происходит диалог и высказываются самые разные мнения. И если синтезировать все, что было сказано, то есть два момента, о которых я сначала не задумывался. Во-первых, мы рассматриваем вопросы по отдельности, хотя на самом деле все взаимосвязано. Есть определенное единство, которое даже невозможно себе представить, но оно очень органично укладывается в природу отношений. Во-вторых, идея разделения, я бы назвал это так, между духовностью и наукой была очень нужна, но слишком долго муссировалась, ряд ученых над ней уже некоторое время работают. Мне кажется, совсем необязательно, что при этом должны рассматриваться религиозные связи, но здесь речь идет о возможности взаимоотношений между сознательным и подсознательным, о вероятности существования параллельного мира, о котором говорят физики.

Я хочу сказать, что очень трудно понять реальность. Все, что мы делаем, — это придумываем некую грамматику для обсуждения реальности. Сегодня мы слышали выступления, касающиеся различных грамматик мироустройства, и все они абсолютно справедливы, каждая по-своему, но совершенно непонятны с точки зрения грамматики, применяемой остальными, и поэтому я думаю, что нам нужно это учитывать. Один из смыслов единства состоит в возможности изменить ситуацию в мире — это сочувствие, сопереживание, а не конкуренция. Развитие технологий сейчас опережает, я бы сказал, эмоциональную революцию,

особенно когда речь идет о соперживании. И не все определяется полностью эволюционными процессами. Существует в нашем мозгу идея соперживания, и я думаю, что эпигенетика и обучение на основе опыта могут содействовать соперживанию.

Все, о чем мы говорим на конференции, — очень богатая смесь разных понятий. Я думаю, что если сложность означает взаимосвязь, тогда все настолько взаимосвязано, что появляется единство. Многие говорят о брексите, мое личное мнение, что это полный нонсенс. Великобритания во время Второй мировой войны 18 месяцев в одиночку боролась с фашистской Германией, прежде чем Соединенные Штаты Америки и Советский Союз начали действовать более активно. Наши граждане испытывали страшный голод. Также говорили о переходе власти, силы, о несправедливости, положении бедных, о том, что богатые полностью поглощены собственным богатством. Различия в доходах существуют не только внутри государств, но и между государствами. Если мы посмотрим на все это, у нас получится очень разношерстная картина. Но как мы соперживаем в данном случае? Нильс Бор говорил о невозможности думать о свете как о световой волне. Световые частицы — это парадоксальное явление, они взаимодополняют друг друга и достаточно немногословно описывают реальность.

Если мы говорим об отношениях между духовностью и наукой, то это скорее конфронтация. Существует она потому, что наука признает, что у всех нас одинаковая природа и нам присущи независимость и творческий дух. И все это очень трудно собрать в единое целое. Каков же мой прогноз, насколько он положительный или отрицательный? Существует несокращаемая неопределенность. Мы не можем дать точное предсказание. Мы можем использовать какие-то факторы, чтобы попытаться это сделать, но говорить можно только о вероятности предсказания. Условия, существующие сегодня в мире, таковы, что, например, недавний финансовый кризис, возможно, снова разразится с учетом тех изменений, которые мы осуществляем. Мы строим нашу реальность и видим разницу между нами. И финансовый сектор — тому пример. Мы создали определенную реальность, но она лишь представляется нам правильной.

Один из положительных моментов этих Чтений, по моему мнению, состоит в том, что мы пришли к выводу, что неолиберализм умирает. И я приветствую это умирание, потому что неолибералистская идеология, как мне кажется, нанесла огромный вред миру, в частности России в 1990-х годах, а затем и другим странам. И частично причина того, что мы сейчас живем совсем в другом мире, не в таком оптимистическом, который существовал до 1990-х годов, связана именно с этой идеологией. Думаю, что наши ожидания, касающиеся наших связей друг с другом, и выслушивание друг друга, и соперживание друг другу превосходят примитивные, на мой взгляд, эмоциональные реакции, полные страха, которые мы видим, в частности, у наших лидеров. Мы видим здесь смесь страха и разума. А когда есть страх и информация, то это очень токсичная смесь.

Тем не менее хотелось бы закончить на оптимистической ноте. У нас здесь очень смешанный состав аудитории и самые разные взгляды. У нас получился, может быть, не диалог, но полифонический обмен мнениями, как об этом писал когда-то Достоевский в своем «Преступлении и наказании», когда мы в ходе общения в синхронном ключе выражаем различные точки зрения. И мне хотелось бы всех поблагодарить за возможность пообщаться на этих встречах и за то, что мы можем высказать то, что накопилось, и выслушать друг друга. Меня интеллектуально и эмоционально стимулирует то, что я здесь слышу от разных выступающих.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется знаменитому журналисту Виталию Товиевичу Третьякову.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Я хотел бы отреагировать на то, что сказал Петр Толочко относительно экспансии западноевропейских стран не столько через Евросоюз, сколько через НАТО на разные территории. И называется это расширением территории свободы. В общем-то, это было всегда, но сегодня особенно модно, популярно и, видимо, продуктивно давать плохим вещам или тем, которые признаны плохими, новые имена, оттого они вроде бы становятся хорошими. Фактически это та же тактика расширения жизненного пространства, известная из истории Европы, точно по тому же самому направлению — на восток и, надо думать, с теми же последствиями. Ну, перед Россией они задумались еще, а вот север Африки и другие регионы попали под это влияние. Можно сказать, что эта тактика не такая зоологически человеконенавистническая, как предшествующее завоевание жизненного пространства, но это как посмотреть. В некоторых моментах — да, в других — может быть, и нет. В конце концов, люди ценят свою жизнь за то, что они имеют право жить так, как привыкли, как хотят, как им нравится. А не так, как считают лучше другие, заставляя их посредством битвы палкой по голове жить иначе.

Но главное не это. Наш форум действительно отличается хаотичным разнообразием мнений, и в этом его привлекательность. Мне кажется, организаторами отчасти заложено в цель Чтений — попытаться найти путь к идеальному миру, где не будет конфликтов, а будет один сплошной диалог цивилизаций. Думаю, будет полезно представить, что цель достигнута, посмотреть, что получилось в результате, перспективно проанализировать, тем ли мы путем идем, туда ли и возможно ли вообще туда пойти. Итак, представим себе, что на Земле царит мир, никакого ядерного оружия, да и обычного тоже, полное социальное равенство — все люди живут в достатке, нет ни нищих, ни миллиардеров. А еще справедливость, сотрудничество, братство, дружба, хотелось бы сказать, любовь, но это уже будет, наверное, абсолютный рай. Но любому здравомыслящему человеку старше 10 лет совершенно очевидно, что это в принципе невозможно.

А если представить себе этот мир, то он, видимо, должен состоять из совершенно одинаковых субъек-

тов мировой политики, то есть нужно либо раздробить все крупные страны на мелкие, либо все мелкие укрупнить до размеров Китая, США, создать 5–6 глобальных субъектов. Видимо, этот мир должен подчиняться очень жестким правилам и четко их соблюдать, потому что трудно себе представить, чтобы в разных точках земного шара в одинаковых обстоятельствах одинаково действовали два человека, две фирмы. А кто будет следить, чтобы все это соблюдалось? Только если всем чипы внедрить из одного центра, но это не очень похоже на демократию, скорее наоборот. Но, видимо, даже там кто-то будет глубоко несчастен. Однажды обязательно что-то случится, и он что-нибудь нарушит, потому что не может 100, 200 дней быть только беспрепятственным счастьем.

Итак, я утверждаю, что цель ставится благородная, но абсолютная неправильная. Отсюда половина попыток достичь этой цели просто не реалистична, вторая половина приведет к разговорам, в лучшем случае спекулятивным, о том, что нужно что-то менять. То, что есть стратегии выживания в этом мире, более или менее сносно и не унижающего субъект, человек ли это или страна, которая эту цель ставит, — это понятно. Но мир, счастье, любовь, отсутствие конфликта цивилизаций, их диалог — это нереально. Кстати, война вообще-то лучший диалог и один из наиболее эффективных, потому что ставит все точки над «i». Завершение войны — это не то, что завершение конференции, там все предельно ясно, результат совершенно конкретен и на несколько лет, а то и десятилетий обеспечено его эффективное выполнение. Так что, мне кажется, может быть, в следующем году характер нашего разговора резко изменится, будет снята эта цель — недостижимая, нереальная, уводящая в туманные рассуждения, которые совершенно неприложимы к жизни.

А. А. ПАНКИН: — Достижимость цели — это один из факторов, определяющих саму ее постановку, но не ставить каких-либо целей и двигаться «на авось» очень опасно. Конечно, цивилизации возникали и, как и религии, менялись насильственным путем. Ни одна религия и ни одна цивилизация не возникла и не расцветала просто так. Но тут, видимо, нужно больше врачей, психологов иметь в нашем кругу, чтобы понять движущие мотивы существа, называемого *homo sapiens*, хочет ли он жить мирно или убивать, доминировать или подчиняться и т. д. Тут уже мы затронем материи других академий и специалистов, которые, конечно, нужны, потому что тот, кто знает психологию, определяет будущее.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Все-таки движение «на авось» — можно хоть и случайно, но попасть в нужное место, а движение очевидно в неправильном направлении точно не приведет в правильное даже случайно. И еще: иногда возникает ощущение, что кто-то специально ставит ложную цель, и все начинают обсуждать, как к ней двигаться, а тот, кто знает, что вообще-то нужно двигаться в другую сторону, работает в том направлении.

А. А. ПАНКИН: — Это интересное замечание и, по крайней мере, первая рекомендация на будущий год, которая возникла по итогам секции. А сейчас выступит профессор из Венгрии Чаба Варга.

Ч. ВАРГА: — Я скорее историк, но занимался и тематикой, и меня очень интересовала история идеи прагматизма. Я рассматриваю вопрос о взаимодействии капитализма и прагматизма. Например: конец Второй мировой войны, советские войска освобождают Венгрию, результат — социализм в Венгрии с приходом Красной армии. Он был основан поставленным, марионеточным правительством, в результате прихода которого многие попали в тюрьмы. Что мы могли в то время сделать для того, чтобы сориентироваться касательно нашей судьбы и судьбы нашей страны? Надо было переходить от Сталина к Ленину, от Ленина к Марксу, потом к Гегелю, потом к Французской революции и дойти до идей французского Просвещения. В конце концов, мы это изучали. Понятно, что коммунизм был частично универсальным и частично западным продуктом. А что можно сказать о капитализме? Это чисто западный продукт.

Во что он превратился? В конечном, так сказать, звено цепи долгого интеллектуального развития. На практике я предположил, что когда мы начинаем внедрять капитализм, то нам всем нужно прочитать одни и те же книги. Мы должны читать труды маститых интеллектуалов и новых теоретиков. Мы должны разделять один и тот же контекст. После свободных выборов я работал вместе с министрами нашей страны, был советником. Нас просили разобраться в самой сути капитализма и социализма, что можно взять из социализма и капитализма для того, чтобы построить новую Венгрию. Мы видели, что это не так просто. Ученые спорили друг с другом, но пользы было мало, не хватало фундаментальных знаний и исследований. И чего больше всего не хватало? Антропологии. Открытий в этой сфере еще не было. Нам нужно было обогащаться знаниями и понимать, на чем базировались труды великих ученых, по их посткоммунистической жизни. Я прочитал исследования многих психоаналитиков, но они содержат в основном критику, и не просто капитализма, а новых его стадий, последних. Это рассмотрение, анализ с точки зрения психологии и критика психологии современного мира. Речь идет о том, что современный мир противостоит всему тому, что может сделать человек века человеком, его психологическим, социальным, зачастую культурным потребностям.

Если мы посмотрим на цивилизацию с сравнительной точки зрения, то не увидим, что современное состояние западного человека является неким исключением в истории со всеми его аспектами, особенностями. И у нас не хватает фундаментальной базы для глубокого анализа и понимания причин и последствий. Нам нужны совершенно разные исследования. Я провел много времени в книжных магазинах, но не смог найти книгу, которая могла бы мне помочь разобраться с основополагающим настоящим. Мы говорим, что у нас есть парламент, обсуждаем права человека. Все как будто бы ценится, есть золотые правила, которые

одобряются, и можно сюда подключить разговор о христианстве, Боге и т. д. Мы базируемся на «мягкой власти», «мягкой силе», некотором давлении со стороны каких-то групп населения. Но это как раз выступает против того, что делается в США и Европе, — трансконституализация, конституализация. Национальные конституции других стран, суверенитет по идее должны выработать сценарии для будущего, потому что мир болен, его тошнит от того, что творят Соединенные Штаты, от их мира правил, силы правил.

Мы — чувствующие люди, и мы видим проблемы, но у нас еще нет оснований и основ, которые мы могли бы использовать для их разрешения. И дело не только в международном праве, на которое мы молимся и молились, особенно раньше. Мы сталкиваемся с антагонистическими взглядами, правилами и законами, противоречащими самим себе. И зачастую люди даже не понимают, до какой степени это доходит. Недавно Генеральный секретарь ООН говорил о внедрении международного права, законов и правил в международные отношения. Но и в ООН нет, собственно говоря, приоритета закона, поэтому мы сами не понимаем, что так называемые боги, которых нам насаждают и которым мы поклоняемся, зачастую пусты, в основе их действия ничего нет. Существуют тысячи книг о верховенстве и приоритете закона, но мы все равно летим в пропасть. Чтобы этого не произошло, надо вернуться к истокам, начать с анализа причин, которые привели к сложившейся ситуации.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется профессору Владимиру Львовичу Квинту.

В. Л. КВИНТ: — Вернусь к теме нашего заседания. К сожалению, сама идея глобального миропорядка подвергается незаслуженной критике, как и тренд на глобализацию. Что такое в принципе глобальный миропорядок? Это политэкономическая система, которая возникает под воздействием многонациональных институтов, супердержав, других государств и направлена на поддержание стабильности мира, на разработку процедур согласования, реализации и ликвидации конфликта невооруженным путем. Глобальный миропорядок меняется, его лидеры постоянно сменяют друг друга. Это началось не сегодня, и не надо думать, что это относится только к периоду после Второй мировой войны. То же самое было и в древнегреческой Ойкумене.

Обычно самый продолжительный период стабильности в мире бывает, когда за ним стоит некая супердержава, как, например, *Rex Romana*. Сейчас в силу глобальных трендов, прежде всего технологического свойства, мы постоянно наблюдаем новый динамизм, эволюционные и революционные изменения глобального миропорядка.

Глобальный миропорядок крайне необходим, во-первых, для предотвращения вооруженных конфликтов в современном мире, во-вторых — для ответа на глобальные вызовы. Несколько крупных закономерностей, характерных для мира, сегодня находятся в фазе зрелости. Это, как я уже упомянул, глобализа-

ция и одновременно регионализация, технологические изменения и т. д. Но вместе с этими трендами возникают и негативные закономерные явления глобального масштаба, прежде всего терроризм и экстремизм. В экономической сфере в связи с увеличением числа стран возникает огромный дефицит капитала, который препятствует решению проблем бедности, экологии, борьбы с массовыми заболеваниями и, что самое важное, борьбы со страшным трендом терроризма и экстремизма. Поэтому глобальный миропорядок необходим, его лидеры и консенсус постоянно меняются, надо быть к этому готовыми, подходить с открытыми глазами.

Есть институты глобальные и региональные. Я согласен с профессором из Австрии, который сказал, что среди основных институтов глобального миропорядка все больше представлены региональные органы. Однако важно понимать, что национальные образования не должны находиться под властью безликих бюрократических институтов, которые пытаются стать выше институтов согласования. Глобальный миропорядок — это не навязывание идей, а всегда согласование, принимаемое на основе консенсуса. Мир никогда не уйдет от процессов формирования и поддержания глобального миропорядка. Сегодня говорят о движении с Запада на Восток, но в то же время все больше усиливается движение с Востока на Запад. Я, например, горячий сторонник развития Нового шелкового пути (*New Silk Road*) и неоднократно выступал на эту тему уже 12 лет назад в ООН. Но ведь Шелковый путь — это продвижение как с Запада на Восток, так и с Востока на Запад. Поэтому глобальный миропорядок нельзя игнорировать, невозможно закрыть дверь и не участвовать в нем. Надо найти в нем свое место, поддерживать его, и каждое национальное государство должно суметь вынести на повестку дня многонациональных институтов свою точку зрения на мир.

А. А. ПАНКИН: — Господин Проданов, Вам слово.

В. ПРОДАНОВ: — Мое выступление связано с той идеей, которую высказала профессор Силвер. Я тоже думаю, что развитие происходит большими циклами, и одно из измерений этих циклов — время гегемонии, восхода либерализма, мультиплюрализма. И время консервативных реакций, каковые в рамках каждого цикла наблюдаются не единожды. Сегодня мы живем в одном из периодов консервативной реакции, который продолжается с 1970-х годов, начиная с исламской революции в Иране. Потом, в 1980-х, были выступления интернациональных исламских отрядов в Афганистане против советских войск. После этого — бурно развивающийся Китай, который демонстрирует новый цивилизационный тип социализма, подходящий только для этой страны, его философия — выражение идей постмодернизма с отказом от так называемых больших нарративов.

Эти процессы усилились после кризиса 2008 года и привели капиталистический Запад к росту популизма, национализма, антисемитизма, к борьбе исламизма против исламофобии в различных европейских стра-

нах, к появлению «Аль-Каиды», ИГИЛ, «Боко Харам» и других экстремистских и террористических группировок. Молодые люди из всех стран мира вступают в них и заявляют о готовности умереть за средневековые религиозные идеологии, которые вроде бы считались пережитком прошлого. Консервативная реакция наблюдается и в развитых государствах, у основных социальных групп, теряющих свой прежний статус. Рабочие прислушиваются к популистам и националистам, мигранты объединяются опять-таки на почве исламского фундаментализма. Проблема разрастается до глобального масштаба. Общая социально-психологическая атмосфера, порождаемая этими кризисными процессами, благоприятствует консервативной контрреволюции. Эти установки характеризуются пессимизмом. Согласно исследованиям, 65 % европейцев и американцев полагают, что мир движется в негативном направлении, что положение все время ухудшается, а молодое поколение будет намного беднее своих предшественников. Ощущение упадка сказывается на индивидуальном и коллективном поведении, увеличивает стресс, самоубийства, насилие. Но это ощущение имеет и экономические последствия, потому что сдерживает инвестиции.

Пессимизм связан с растущим недоверием к власти и институтам либеральной демократии. Не «лучшее будущее», а «лучшее прошлое» заставляет все большее количество избирателей мечтать о возвращении в старые добрые времена, которые кажутся намного предпочтительнее, чем неопределенное будущее. А прошлое всегда было главной опорой консерватизма. Когда идут процессы распада и наблюдается возвращение к традициям и консервативным взглядам, прошлое реконструируется в позитивном свете и противопоставляется турбулентному настоящему и пессимистическому будущему. Выигрывают те, кто обращается к истории и предлагает реставрацию. Как светлое коммунистическое будущее, так и светлое неолиберальное демократическое европейское евроатлантическое будущее делегитимизированы. Они больше не объединяют большинство общества, и люди начинают искать объединяющие цели, обращаясь к прошлому, изобретая и интерпретируя религиозные, национальные, этические идентичности. Возрождаются коллективные травмы, связанные с конфликтами на религиозной и этнической почве. К этому добавляется нарастающий процесс глобальной многополярной борьбы, когда военное и идеологическое противостояние активно стимулируется и организуется крупными государствами на основе принципа «разделяй и властвуй». В периферийных странах, таких как Болгария, это проявляется в компрадорском поведении элит и обострении борьбы между различными геополитическими центрами, идентификация с которыми осуществляется на основе цивилизационной идентичности, связанной с консервативными идеями. Идет борьба между русофилами и русофобами, американофилами и американофобами, еврофилами и еврофобами, евразийцами и антиевразийцами в обход консерватизма.

А. А. ПАНКИН: — Прошу Вас, господин Монтес.

М. Ф. МОНТЕС: — Каковы факторы, ослабляющие переход от британского доминирования к другим формам мироустройства? Сколько лет потребуется на такой переход — век или меньше?

Гегемония стремится к тому, чтобы решить три проблемы, которые критически важны для ее дальнейшего выживания. Во-первых, это вопросы, связанные с либерализацией финансовой сферы, потому что раньше здесь было слишком строгое регулирование. Во-вторых — контроль над информационными потоками и всей информационно-коммуникационной отраслью. В-третьих, важно понять, до какой степени гегемон готов встроиться в систему коллективной безопасности.

Я хотел бы остановиться на вопросах регулирования и дерегулирования финансов. Действительно, долги физических лиц и государств продолжают расти, и с этим связана такая проблема, как сокращение притока инвестиций в реальный сектор.

Как мы переводим прибыль в инвестиции? Государственный сектор не может этого обеспечить. В теории Кейнса говорится, что частный сектор не в состоянии делать то, что обязано делать государство. Действия частного сектора должны помочь развитию капитализма. Я не знаю, как это влияет на кризис. Что касается использования прибыли для инвестирования, то, повторяю, у населения и государств сегодня огромные долги. Тем не менее инвестиции необходимы, и для решения этой проблемы я предлагаю обратиться к теории Карла Маркса.

А. А. ПАНКИН: — Послушаем выступление господина Литтлджона.

Г. ЛИТТЛДЖОН: — Мне хотелось бы ответить на замечание господина Кёхлера относительно социальных сетей и средств коммуникации. Предвыборная кампания Трампа была основана на использовании огромной базы данных, он привлекал миллионы людей, используя социальные сети и обращаясь к самым разным аудиториям. Этот метод называется микротаргетированием, он известен уже более 20 лет и поначалу был связан с внедрением научных достижений.

Оказывается, в настоящее время для работы с электротаргетом не нужен даже «Фейсбук», достаточно Твиттера и личного смартфона. Мы только что видели, что таким образом можно повлиять на результаты выборов. Это представляет опасность, которую мы должны осознавать. Сейчас эти темы широко и заинтересованно обсуждаются в «Гардиан» и другой британской прессе.

Мы также не можем недооценивать значение цифровой экономики. Вспомним недавние события, произошедшие в Индии, когда правительство внезапно потребовало от населения пользоваться смартфонами и кредитными картами вместо наличных денег. И это в то время, когда 85 % финансовых операций в Индии все еще осуществляются с использованием наличных. Требование государства было ошибочным и незамедлительно вызвало платежный коллапс. Считаю, что это было сделано намеренно, с участием продуманной по-

литики американских корпораций. Безусловно, цифровая экономика влияет на экономику в целом, а значит, и на политику. И это влияние гораздо сильнее, чем мы, возможно, себе представляем.

А. А. ПАНКИН: — Ваши слова свидетельствуют о том, что дело не в российских хакерах, якобы повлиявших на исход недавних выборов в США.

Хочу передать слово сопредседателю секции Петру Дуткевичу. Подведем некоторые итоги нашего обсуждения.

П. ДУТКЕВИЧ: — Рефлексия — вполне адекватное дело, иногда даже лучше, чем подведение итогов. Здесь состоялись настолько насыщенные дискуссии, что их трудно обобщить. Мы начали с широкого разброса идей, затем стали строить пирамиду и в конце концов вышли на стримлайны — четко обозначенные, сфокусированные идейные направления. Правда, это не означает, что все вопросы прояснились, но это пример развития. Мы начали с какофонии, а теперь можно сказать, что играем как оркестр. Это может вдохновить нас на построение планов дальнейших встреч и дискуссий.

Хотелось бы подчеркнуть некоторые основные моменты. Прежде всего, как наметить карту, которая поможет нам прийти к трансформации гегемонии? Сегодня многие из выступавших касались этого аспекта: гегемония и трансформация, которая приведет к новым гегемониям — именно так, во множественном числе. Возможно, это произойдет в рамках нового мультиполярного мира. Сегодня мы предчувствуем ситуацию, когда, возможно, на сцену выйдут три гегемона. Может быть, они будут представлять небольшие страны, станут центрами для определенных периферийных территорий. Но это с точки зрения государств. Многие ораторы представили более широкий взгляд: стали говорить о новых гегемониях не с точки зрения географии и национальных образований, а с позиции содержания и контекста. Господин Акаев, например, интересно рассуждал о новых путях, связанных с развитием коммуникационных технологий, о том, что, может, они сформируют новую основу для новой гегемонии — транснациональной, трансграничной. Как они будут локализованы — в частном секторе или будут по-прежнему поддерживаться государством? Возможно, это будут какие-то компании. Какую стратегию они выберут, какова будет природа их власти? Может быть, это будут органы регулирования? Многие из присутствующих говорили о регулирующей власти в новых центрах, которые будут формироваться.

Теперь о капитализме и капитале. Важнейший вопрос: что делать с деньгами? Как вообще будут выглядеть финансы в этих новых гегемониях? Ведь мы знаем, что деньги выполняют разные функции. Это не только средство платежа, но и капиталы, и сокровища, и многое другое. Деньги, которые лежат без движения, не работают на развитие экономики. Каким образом они будут использоваться, с какими целями? Как будут складываться взаимоотношения между двумя или тремя типами денег? Интересно было бы подроб-

нее обсудить этот вопрос: гегемония и новые формы денежных отношений.

Еще одна сторона гегемонии, более традиционная. Доминирующий субъект — это центр, который обладает властью с точки зрения вооружений. На чем будет базироваться новая гегемония? Если на главенстве закона, то что за законы это будут? Возможно ли появление нового типа тоталитаризма, автократии? Это будут контролируемые или неконтролируемые законы? На какой новой платформе с точки зрения права они будут базироваться?

В связи с Китаем и Юго-Восточной Азией мы говорили о совсем новых, недавно возникших феноменах. И коллега Петр Толочко сказал о тревожных сигналах. Он заметил, что, обсуждая новую гегемонию, мы имеем в виду прежде всего крупные державы. А что можно сказать о роли малых стран? Мы забываем о них, когда речь идет о распределении власти. Оказывается, у крупных игроков есть возможность манипулирования. Малые страны могут делегировать какие-то компоненты большим державам.

Коллега из Болгарии затронул проблему, которая лишь на первый взгляд воспринимается как значимая только для одной страны. На самом деле она важна для всех стран. Алеппо, собственно говоря, может разрушить диалог между крупными державами. Мы иногда делегируем полномочия большим державам, а малые игроки по умолчанию начинают действовать за их спиной и сами становятся крупными игроками. Что с этим делать?

И в заключение хочу отметить парадоксальный феномен: молчание некоторых участников зачастую также имеет огромное значение. Надеюсь, что в следующем году мы продолжим обсуждать новые гегемонии, их происхождение, структуру, движущие силы и, напротив, барьеры, встающие на их пути. Конечно, мы будем говорить о сложных ситуациях, которые иногда порождают и стимулируют такие гегемонии, а иногда препятствуют их воцарению и развитию. От всей души благодарю вас за участие в интересной и вдохновляющей дискуссии.

А. А. ПАНКИН: — Спасибо участникам секции за активность и заинтересованность. На нашем заседании выступили 29 человек. Один из акцентов дискуссии был сделан на глобальном миропорядке в его различных аспектах. В том числе говорили о том, что деидеологизация международных отношений еще не закончилась и грядут затяжные конфликты, «заряженные» идеологическими установками.

Отдельные вопросы, затронутые коллегами, — о восстановлении отношений между Россией и США, о китайском факторе в разных преломлениях, об Африке, которую недооценивают, но она может заставить обратить на себя самое пристальное внимание, поскольку превращается в транзитный пункт для террористических организаций, наркотрафика и прочей преступности.

Обсуждался вопрос о необратимости глобализации. Похоже, что общее мнение склоняется к тому, что глобализация продолжится, но в несколько иных формах. Цифровая трансформация, роботизация будут порождать новые феномены, в том числе в области управ-